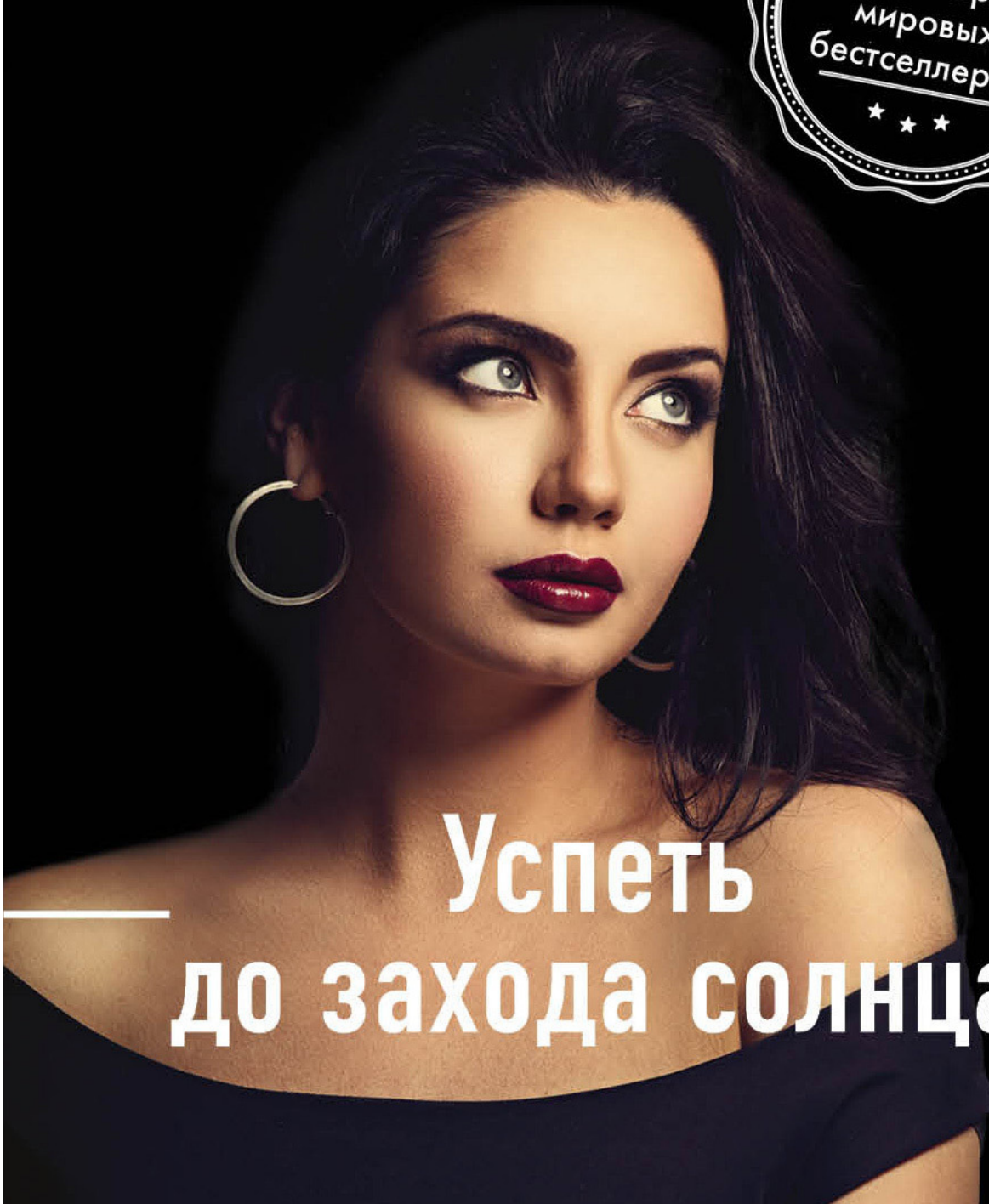


Нора Робертс

A portrait of a woman with dark, wavy hair and large hoop earrings. She is looking upwards and to the right. The background is black.

Успеть
до захода солнца

Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы

Нора Робертс

Успеть до захода солнца

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Робертс Н.

Успеть до захода солнца / Н. Робертс — «Эксмо», 2017 — (Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы)

ISBN 978-5-04-108979-5

На курорте в Западной Монтане найдено тело молодой женщины. Для Бодин убийство становится шикирующим напоминанием о старой потере. Двадцать пять лет назад ее тетя Элис бесследно исчезла, и теперь Бодин связывает новую трагедию с событиями прошлого. Внезапное появление Элис спустя годы должно помочь в раскрытии дела. Мрачная история, которую она расскажет, до сих пор преследует ее. Вместе с напарником Колленом Бодин проходит проверку на прочность, переживает тяжелые откровения и спешит сложить воображаемый пазл. У них еще есть время. Пока не зайдет солнце.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-108979-5

© Робертс Н., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвертая	37
Глава пятая	47
Глава шестая	58
Глава седьмая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Нора Робертс

Успеть до захода солнца

Посвящается Джейсону и Кэт, моим лучшим спутникам в путешествиях

Часть первая

Дорога

*Когда нас терзают боль и жар,
Мы мечемся в постели, ворочаемся
с боку на бок;
Но это не приносит облегчения —
Как ни ложись, боль остается.*
Исаак Уоттс

Пролог

Запад Монтаны, 1991 год

Элис Бодин присела на корточки за пушистыми сосенками. Ей пришлось идти до них, проваливаясь в снег по колено. Голая попа (с татуировкой-стрекозой, сделанной в Портленде) мерзла под порывами ледяного ветра.

Зачем ей вообще нужно было прятаться? Элис и сама не понимала, ведь она прошла целых три мили по дороге и ей не попалось ни одной машины.

Видно, привычка такая, решила она, снова натягивая джинсы. Трудно избавиться от нее.

Господь свидетель, она ведь пыталась. Пыталась пренебрегать правилами и разрушать стереотипы, избавляться от провинциальных обычаев и надоевшей рутины. И вот теперь – через три года после самопровозглашенной эмансипации, отказа от всего будничного, скучного – она тащилась домой с замерзшей задницей.

Элис поправила на плечах рюкзачок и, высоко поднимая ноги, чтобы попасть в свои следы, вернулась на жалкое подобие дороги. В рюкзачке лежали все ее пожитки – вторая пара джинсов, майка «AC/DC», свитшот «Grateful Dead», позаимствованный в Лос-Анджелесе у какого-то давно забытого парня еще в тот первый раз, мыло и шампунь, которые она стырила, когда в Ригби, что в штате Айдахо, убирала номера (к счастью, недолго) в «Холидей инн», презервативы, набор косметики, пятнадцать долларов и тридцать восемь центов, а также остатки пятидолларовой порции очень приличной травки. Ее она прихватила у парня, с которым тусовалась в кемпинге в Орегоне.

Она решила свалить домой, устав от вечного безденежья, и еще ей надоело замывать сперму на простынях. За эти три года ей пришлось побывать во многих городках, и не раз она замечала там на теневой стороне улиц женщин с потухшим взором – они ловили клиентов. Постепенно Элис начала понимать, что и сама легко может оказаться среди них.

Ей пришлось признаться себе: она уже на грани. Наголодалась, намерзлась, натерпелась страха, и мысль о торговле своим телом – ведь это просто секс, в конце-то концов, за еду и сносную комнату – уже не казалась постыдной.

Но правда была в том – а иногда Элис смотрела правде в глаза, – что существовали правила, которые она не могла нарушить. Правда была в том, что ей хотелось домой. К матери, сестре, к деду с бабкой. В свою спальню с постерами на розовых стенах и с видом на горы. Хотелось наслаждаться запахом кофе и бекона по утрам, хотелось снова почувствовать под собой спину лошади, скачущей галопом.

Сестра вышла замуж – и разве не ее тупая, абсолютно *традиционная* свадьба заставила Элис решиться на возвращение? У Рин, пожалуй, уже есть ребенок, наверняка есть, и она такая же безупречная, как всегда, черт побери.

Но Элис тосковала даже по Морин с ее скучной безупречностью.

Вспоминая о семье, она прошла еще милю. Поношенная флисовая куртка, купленная в «Гудвилле», почти не защищала от холода, а в башмаки, которые Элис носила лет десять, попадали комки снега, сползавшие с ее худых плеч.

Может, следовало позвонить домой из Миссулы, подумала она. Засунуть куда подальше свою гордость и позвонить. Дед приехал бы за ней – он никогда не ворчит. Но она все время представляла, как подойдет по дороге к ранчо – может, даже с важным видом.

Как все остолбенеют и офигеют. Работники, лошади, даже скот на полях. Старый пес Блю радостно примчится к ней. Мать встанет на пороге.

Картина маслом. Возвращение блудной дочери.

Элис вздохнула, и холодный ветер тут же подхватил и унес прочь теплое облачко ее дыхания.

Надо было, да, все-таки надо было позвонить, но она поймала в Миссуле попутку и решила, что это хороший знак. Ее подвезли, и до дома осталось двенадцать миль.

Она может не успеть до темноты, и это ее тревожило. В рюкзаке лежал фонарик, но батарейки почти сели. У Элис была зажигалка, однако перспектива заночевать без палатки и одежды, без еды и воды (последние капли она выпила в двух милях отсюда) гнала ее вперед.

Она пыталась вообразить, что они ей скажут. Конечно, все обрадуются ее приходу – а как же иначе. Может, они злятся, что она сбежала тогда, оставив лишь дурацкую записку. Но тогда ей было восемнадцать, она была достаточно взрослая и могла поступать так, как хотела, – а ей не был нужен ни колледж, ни оковы замужества, ни занудная работа на ранчо.

Элис нужна была свобода, и она получила ее.

Теперь ей двадцать один год, и она *решила* вернуться домой.

Пожалуй, она не прочь поработать на ранчо. Может, даже подумает об учебе в колледже.

Она уже взрослая женщина.

Зубы замерзшей взрослой женщины выбивали дробь, но она шла и шла вперед. Она надеялась, что увидит деда с бабкой, и испытывала чувство огромной вины, поскольку не представляла, живы ли они еще.

Конечно, живы, уверяла себя Элис. Ведь прошло всего три года. Бабушка не станет сердиться, ну или станет, но недолго. Может, немного поругает. Мол, погляди, кожа да кости! Господи, что ты сделала со своими волосами?

Развеселившись при мысли об этом, Элис еще ниже натянула лыжную шапочку на короткие волосы, которые она сильно осветлила. Ей *нравилось* быть блондинкой, нравилось, что этот более гламурный цвет делал ее глаза еще зеленее.

Она предвкушала радость оказаться в объятиях деда, сесть за праздничный стол – скоро ведь День благодарения – и рассказать о пережитых приключениях всему своему до тошноты правильному семейству.

Она видела Тихий океан, прошла по улице Родео-драйв в Беверли-Хиллз будто кинозвезда, дважды снималась в настоящих фильмах. Получить реальную роль в реальном фильме оказалось гораздо труднее, чем она рассчитывала, но она *пыталась*.

Она доказала себе, что способна прожить самостоятельно. Она могла делать разные вещи, видеть, думать и чувствовать. И сможет снова это делать, если дома ее плохо примут.

Элис в досаде заморгала и смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы. Она не станет умолять. Не станет умолять, чтобы ее пустили домой, приняли как родную.

Господи, ей просто хотелось побыть дома.

Опускавшееся за горизонт солнце показывало, что она не дойдет домой до темноты, а в воздухе уже пахло свежим снегом. Может быть – может быть, если она срежет дорогу и пройдет прямо через лес и поля, то доберется до дома Скиннера.

Элис остановилась, уставшая и растерянная. Безопаснее было остаться на дороге, но через поля она срезала бы добрую милю, а то и больше. К тому же там была пара домиков, насколько она помнила, для туристов. Она могла зайти туда, разжечь огонь, там, вероятно, даже нашлись бы консервы.

Она смотрела на бесконечную дорогу, потом на заснеженные поля. Белые вершины гор, устремленные к небу, уже стали синевато-серыми из-за наступающих сумерек и подступающего снегопада.

Потом Элис будет вспоминать свою нерешительность, те несколько минут колебаний, когда она стояла на обжигающем ветру. Несколько минут, перед тем как уйти в поля, в горы, спрятаться в длинной тени сосен подальше от дороги.

Это был первый звук, который Элис услышала за два с лишним часа – кроме собственного дыхания, собственных шагов и шума ветра в ветвях деревьев, – и не сразу распознала.

А когда поняла, то снова выбралась через сугробы на дорогу, и ее сердце радостно подпрыгнуло – к ней приближался выдавший виды пикап.

Она шагнула вперед, но не стала выставлять вверх большой палец, как делала множество раз в своих скитаниях, а просто отчаянно замахала руками.

Может, ее не было три года, но она тут родилась и росла. Она дочь Запада. Никто не проедет мимо женщины, которая просит помощи на пустынной дороге.

Пикап затормозил, и Элис подумала, что никогда не видела ничего красивее этого ржавого синего форда с подставкой для ружья, брезентовой койкой и стикером «ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ» на ветровом стекле.

Когда водитель наклонился и опустил стекло, она чуть не прослезилась.

– Похоже, тебе требуется помощь.

– Я бы не отказалась немного подъехать. – Она быстро улыбнулась ему и смерила оценивающим взглядом. Ей нужно было ехать, но она не дуручка.

На водителе был овечий полушубок, не очень новый, а на коротких темных волосах коричневая шляпа.

Симпатичный, подумала Элис (это всегда ей помогало). Старше ее – ему где-то сорок. Его глаза, тоже темные, смотрели довольно дружелюбно.

Она услышала ровные ритмы музыки в стиле кантри.

– Ты далеко собралась? – спросил он, растягивая слова, как говорят в западной Монтане, и это тоже звучало как музыка.

– До ранчо Бодинов. Это всего...

– Да знаю я это место. Как раз мимо еду. Забирайся в кабину.

– Вот спасибо. Спасибо. Я невероятно благодарна. – Она скинула рюкзачок и втащила его за собой, когда вскарабкалась в кабину.

– У тебя тачка сломалась? Но я не видел ничего на дороге.

– Нет. – Она поставила рюкзак в ногах и почти онемела от облегчения и тепла, исходящего от печки. – Я еду из Миссулы, меня подвезли, но в шести милях отсюда свернули в сторону.

– И ты шла шесть миль?

Элис блаженно закрыла глаза, когда стали оттаивать ледышки, в которые превратились ее пальцы на ногах.

– Твоя машина первая за два часа. Не думала, что придется идти пешком, и очень рада, что ты меня подвезешь.

– Долгая дорога для такой малышки, как ты. Уже темнеет.

– Я знаю. Мне повезло, что ты проезжал мимо.

– Тебе повезло, – повторил он.

Она не видела его кулака. Это произошло слишком быстро и совершенно неожиданно. Ее лицо, казалось, взорвалось от удара. Глаза закатились, она потеряла сознание.

Второго удара она не почувствовала.

Радуюсь возможности, которая сама упала ему в руки, он торопливо вытащил бесчувственное тело из кабины и положил в кузов под брезент.

Он связал ей руки, ноги, заткнул рот кляпом. Потом набросил на нее старое одеяло.

Он не хотел, чтобы она замерзла до смерти по дороге до дома.

Ехать им было еще далеко.

Глава первая

Наши дни

Расцвел рассвет, прекрасный, как роза, и окрасил нежными оттенками оранжевого снежные вершины гор. Затрубил лось в утреннем тумане, тревожно прокукарекал петух.

Наслаждаясь последними глоточками кофе, Бодин Лонгбоу стояла в дверях кухни и слушала звуки начинавшегося ноябрьского дня. Как всегда, день обещал быть идеальным во всех отношениях.

Единственное, что могло бы сделать его еще лучше, – дополнительный, двадцать пятый час в сутках. О нем она мечтала с самого детства и даже написала в своем дневнике, что могла бы сделать, если бы сутки были больше на шестьдесят минут.

Но поскольку не в ее власти было изменить вращение земли, она приспособилась к такому несовершенству и редко спала дольше половины шестого. Когда полностью рассвело, она уже закончила свои утренние дела: приняла душ, причесалась, оделась, проверила электронную почту, эсэмэски, съела йогурт, пытаясь убедить себя, что ей нравится йогурт с гранолой, хоть она любила гранолу не больше йогурта. На все это потребовалось ровно шестьдесят минут. Завтракая, она просмотрела на экране телефона список намеченных дел.

Последнее необязательно, поскольку все уже было у Бодин в голове, но она считала, что так будет правильнее.

И вот, разделившись с предрассветным отрезком дня, она позволила себе отдохнуть несколько минут и насладиться утренним кофе латте – двойной эспрессо, цельное молоко и чуточка карамели, – пообещав своему внутреннему критику, что отработает лишние калории.

Скоро предстоят другие хозяйственные дела, вернутся отец и братья, проверив скотину и распределив задания между работниками. Бодин знала, что вот-вот на кухне появится мать и весело приготовит завтрак, такой, какой принято готовить на ранчо Монтаны, ведь у Клементины сегодня выходной. Накормив троих мужчин, Морин наведет порядок и уедет в «Бодин резорт», где она занималась продажами.

Морин Бодин Лонгбоу всегда восхищала дочь.

Бодин была уверена, что ее мать совершенно не мечтает о лишнем часе в сутках; он был ей не нужен, она и так все успевала – была идеальной женой и хозяйкой, помогала вести дела на ранчо и в гостиничном комплексе, при этом продолжая в полной мере наслаждаться жизнью.

Не успела Бодин это подумать, как на кухню впорхнула Морин. Короткие каштановые волосы обрамляли ее свежее, как роза, лицо. Живые зеленые глаза улыбались Бодин.

– Доброе утро, детка.

– Доброе утро. Ты выглядишь роскошно.

Морин провела ладонью по узким бедрам и короткому, цвета лесной зелени, платью.

– Сегодня у меня множество встреч. Я должна произвести впечатление.

Она отодвинула старую амбарную дверь, ведущую в кладовую, и сняла с крючка белый фартук, какие бывают у мясников.

Это чтобы жир от жарящегося бекона не брызнул на красивое платье, подумала Бодин.

– Сделай мне латте, ладно? – попросила Морин, повязывая фартук. – У тебя он получается очень вкусный.

– Конечно. Сегодня утром я встречаюсь с Джесси, – сообщила Бодин, имея в виду менеджера по корпоративным мероприятиям Джессику Баазов, которую взяла на работу три месяца назад. – По поводу свадьбы Линды-Сью Джексон. Линда-Сью приедет в десять.

– Хм... По словам папы, Рой Джексон стонет и рыдает, что свадьба дочки его разорит, но я точно знаю: мать Линды-Сью полна решимости сделать все, что положено, и даже сверх того. Если бы могла, она отправила бы дочку к алтарю под хор ангелов небесных.

Бодин тщательно вскипятила молоко для латте.

– За разумную цену Джесси, пожалуй, смогла бы предоставить им и такую услугу.

– Она совсем неплохо работает, правда? – Выставив под огромной сковородой восьмерку, Морин стала жарить бекон. – Эта девчонка мне нравится.

– Тебе все нравятся. – Бодин протянула матери латте.

– Просто так жить веселее. В любом человеке можно найти что-нибудь хорошее, если хорошенько поискать.

– И в Адольфе Гитлере? – спросила Бодин.

– Ну, зато он провел для всего человечества на песке черту, пересекающую которую больше не станет никто. И это хорошо.

– Ма, ты уникальная. – Бодин наклонилась с высоты своего роста – еще в двенадцать лет она оставила внизу метр шестьдесят два матери и выросла до метра семидесяти восьми – и поцеловала Морин в щеку. – Давай я помогу тебе накрыть на стол. У меня еще есть время.

– Ой, доченька, тебе и самой надо позавтракать.

– Я уже съела йогурт.

– Ты ведь его ненавидишь.

– Я ненавижу его, когда ем, а так ничего.

Морин вздохнула, вынула бекон, чтобы слить жир, и снова положила его на сковородку.

– Клянусь, иногда мне кажется, ты сама себя лучше воспитываешь, чем это делала я.

– Ты лучшая в мире мама, – возразила Бодин, доставая из шкафчика стопку тарелок.

Она услышала шум за секунду до того, как открылась дверь. Вошли мужчины и парочка собак.

– Вытирайте ноги.

– О, сейчас, Рин, не думай, мы не забыли. – Сэм Лонгбоу снял шляпу – за столом у Морин никто не завтракал в шляпе.

Он выпрямился – высокий, длинноногий, мужественный темноволосый красавец с серебром, пробивающимся на висках, от уголков его карих, глубоко посаженных глаз разбегались морщинки.

Слева у Сэма был кривоватый резцовый зуб, но Бодин считала, что он добавляет отцовской улыбке шарма.

Чейз, старше Бодин на два года, повесил на рожек шляпу скотовода и стянул грубую куртку. Рост и крепкие кости он унаследовал от отца, как все братья Лонгбоу, но черты лица и цвет волос были от матери.

Рори, на три года младше ее, соединил в себе их обоих – темно-каштановые волосы, живые зеленые глаза и двадцатидвухлетнюю версию лица Сэма Лонгбоу.

– Ма, ты можешь приготовить на одну порцию больше?

Морин удивленно вскинула брови:

– Я всегда готовлю с запасом, Чейз. А кто придет?

– Я позвал к нам Кола.

– Что ж, добавим еще тарелку, – распорядилась Морин. – Давно Коллен Скиннер не сидел за нашим столом.

– Он вернулся?

Чейз кивнул сестре и подошел к кофейной машине.

– Вчера вечером. Он поселился в хижине, как мы и говорили. Горячий завтрак ему не помешает.

Чейз пил черный кофе, а Рори щедро добавил в свою чашку молока и сахара.

– Что-то он не очень похож на голливудского ковбоя.

– Какое разочарование для нашего младшего, – сказал Сэм, мывший руки над раковиной. – Рори надеялся, что он пройдет тут, звякая шпорами, с серебряной лентой на шляпе и в начищенных до блеска сапогах.

– Ничего такого нет, – вздохнул Рори, пережевывая кусочек бекона. – Каким уехал, таким и приехал. Разве что старше стал.

– Да он старше меня всего на год. Даже чуть меньше. Эй, не сожри весь бекон, оставь нам, – добавил Чейз.

– У меня найдется еще, – добродушно сказала Морин и подняла голову, когда Сэм наклонился поцеловать ее.

– Рин, ты хорошенькая, как коробка конфет. И пахнешь тоже приятно.

– Сегодня утром у меня много встреч.

– Кстати, о встречах. – Бодин бросила взгляд на часы. – Мне пора.

– Ой, дочка, может, задержишься немного и поздороваяешься с Колленом? Ты ведь не видела его лет десять.

Восемь, мысленно уточнила Бодин и невольно призналась себе, что ей любопытно взглянуть на него. Но...

– Мне жаль, но я просто не могу. И я ведь все равно с ним увижусь, – сказала она, целуя отца. – Рори, мне нужно кое-что обсудить с тобой в офисе.

– Я приду, босс.

Она усмехнулась и вышла в прихожую, где уже лежал собранный портфель.

– После полудня ожидается снег! – крикнула она. Надев куртку, шляпу, шарф и натянув перчатки, Бодин вышла на холодный утренний воздух.

Она опаздывала уже на минуту и быстрым шагом направилась к своему пикапу. Ей было известно, что Коллен возвращается, ведь она участвовала в семейном совете, где решили нанять его на ранчо старшим конюхом.

Сколько Бодин помнила, он был самым близким другом Чейза, а для нее сначала кошмаром, потом первой тайной любовью, опять кошмаром и опять любовью.

Она не могла теперь припомнить, в какой категории он состоял, когда свалил из Монтаны. И теперь, когда она ехала по пыльной от снега дороге, ей пришлось в голову, что тогда, уезжая, он был моложе, чем сейчас Рори.

Ему было около двадцати лет, прикинула она, и, несомненно, он был злым и разочарованным из-за потери большей части наследства. Землю у Скиннеров купил ее отец, когда – мягко говоря – у отца Кола начались тяжелые времена.

А тяжелые времена начались, поскольку он проиграл все, что мог. Не игрок, а полный лузер, как сказал когда-то ее отец. Скиннер-отец не мог не играть, как алкоголики не могут не пить.

И когда участок земли, которую Коллен Скиннер наверняка любил, уменьшился до пятидесяти акров с домом и несколькими хозяйственными постройками, он уехал из Монтаны искать счастья в другом месте.

По словам Чейза, дела у Кола шли неплохо: он снимался в фильмах, играл ковбоев.

Теперь, когда его отец умер, мать стала вдовой, а сестра вышла замуж и ждала уже второго ребенка, он вернулся домой.

Бодин слышала достаточно разговоров и знала, что оставшаяся у Скиннеров земля ничего не стоила, была заложена, закредитована. Дом стоял пустой, миссис Скиннер переехала с дочерью в красивый дом в Миссуле, где Севена и ее муж держали маленькую лавку кустарных товаров.

По прикидкам Бодин, в скором времени речь пойдет о покупке оставшихся пятидесяти акров, и она уже думала, как их использовать – в интересах ранчо или гостиничного комплекса.

Можно сделать ремонт дома, рассуждала она, и сдавать его туристам. Или устраивать там небольшие свадебные приемы, корпоративы, семейные торжества.

А может, не тратить деньги и время и просто все снести?

Обдумывая разные варианты, она оставила позади арку «Бодин резорт» с логотипом-трилистником.

Она проехала по территории, заметив, что в «Фактории» уже включили свет, значит, кто-то из первой смены готовился к открытию магазина. На этой неделе у них намечалась «продажа из сундука» товаров из кожи и изделий местных ремесленников, чтобы привлечь осенних туристов. С помощью команды Рори можно было сделать другой маркетинговый ход и пригласить местных, которые останутся на ланч в «Торбе».

Она подъехала к длинному, приземистому зданию с широкой верандой, где находилась стойка администратора.

Когда Бодин смотрела на это строение, ее всегда переполняла гордость.

«Бодин резорт» появился до ее рождения, когда собрались вместе ее мать, бабка и прабабка, – причем кашу заварила бабка, Кора Рили Бодин.

Захудалое ранчо превратилось в гостиничный комплекс класса люкс с пятизвездочной кухней, персональным сервисом, экскурсиями, развлечениями, роскошью и всякой всячиной на территории более тридцати тысяч акров, включая ранчо. И все это, подумала Бодин, выбираясь из кабины, благодаря потрясающей красоте пейзажей западной Монтаны.

Она торопливо вошла в здание, где несколько отдыхающих уже пили кофе перед жарким камином.

Ее ноздри уловили осенние запахи тыквы и чеснока. Она махнула рукой сидевшей за стойкой рыженькой Сол, с которой дружила еще со школьных времен, и направилась в свой кабинет, чтобы приняться за дела. Но Сол подала ей знак. Пришлось подойти.

– Я хотела тебе сообщить, что недавно звонила Линда-Сью. Она чуточку задерживается.

– Как всегда.

– Да, но на этот раз она предупредила об этом. Она хочет заехать за матерью.

Прочный фундамент делового графика Бодин дал первую трещину.

– Ее мать приедет на встречу?

– Увы. – Сол печально улыбнулась.

– Впрочем, это в основном проблема для Джесси, но спасибо, что предупредила.

– Джесси еще нет.

– Все в порядке, это я приехала раньше.

– Как всегда! – крикнула Сол, когда Бодин уже повернулась и взяла курс на офис генерального менеджера. Ее офис.

Ей нравились его размеры. Достаточно большие, чтобы проводить совещания с персоналом или менеджерами, но достаточно скромные, чтобы такие совещания проходили как бы в узком кругу.

В широкое окно были видны мощенные камнем дорожки и та часть здания, где находилась «Торба» и более роскошный «Дайнинг-холл». А еще там плавно катились к снежным горам поля.

Бодин специально поставила бабушкин рабочий стол так, чтобы сидеть спиной к окну и не отвлекаться. Еще у нее были два кожаных кресла с высокими спинками, которые раньше украшали офис на ранчо, и маленькая софа – когда-то она стояла у матери, а теперь ее обилие рельефной тканью голубого, как летнее небо, цвета.

Она повесила куртку, шляпу и шарф на стоявшую в углу вешалку, пригладила ладонью волосы – черные, как у отца, только длинные, завязанные в хвост.

Бодин была похожа на деда – так всегда говорила бабушка, его вдова. Бодин видела фотографии и признавала свое сходство с молодым несчастным Рори, который в двадцать два года погиб во Вьетнаме.

У него были озорные зеленые глаза и широкий рот с полными губами. Правда, его черные волосы были волнистыми, а у нее они абсолютно прямые, но она унаследовала его высокие скулы, маленький курносый нос и белую ирландскую кожу, требовавшую тонны солнцезащитного крема.

Бодин нравилось думать, что она унаследовала от бабушки ее деловую хватку.

Она подошла к стойке с капсульной кофеваркой, в которой получался приличный кофе, и вернулась с кружкой к столу, чтобы просмотреть заметки для первых двух встреч.

Когда она закончила первый телефонный разговор и отправила письмо по электронной почте, вошла Джессика.

Как и Морин, Джессика была в платье, только ярко-красном, и в коротком кожаном жакете цвета сливок. Короткие сапожки на высоких каблуках – в таких и пяти минут не пройдешь по снегу, зато они отлично сочетались по цвету к платьем, словно их красили в одном котле.

Бодин невольно восхитилась столь безупречным выбором.

Джессика собрала волосы с осветленными прядями в гладкий пучок, как часто делала в рабочие дни. Как и сапожки, ее губная помада идеально совпадала по цвету с платьем, а губы сочетались с острыми скулами, аккуратным, прямым носом и ясными, холодными, голубыми глазами.

Пока Бодин заканчивала разговор, она села и, достав из кармана жакета телефон, принялась просматривать сообщения.

Бодин положила трубку и выпрямилась.

– Координатор Ассоциации писателей Запада свяжется с тобой насчет трехдневного пребывания и прощального банкета.

– Уже определились с количеством участников и датами?

– Высветилось число «девяносто восемь». Даты такие: приезд девятого января, отъезд двенадцатого января.

– В январе?

Бодин улыбнулась:

– У них что-то не сложилось первоначально, вот они и обратились к нам. Я проверила, и мы можем это сделать. Сразу после праздников у нас резко падает бронирование. Мы подготовим «Мельницу» для конференции и банкета, а кроме того, еще какое-то число домиков, которые они бронируют на сорок восемь часов. Координатор Мэнди, по-моему, вполне организованная, только вот в отчаянном положении. Письмо с деталями я отправила тебе, моей матери и Рори. Их бюджету это не помешает.

– Хорошо, я переговорю с ней, составлю план питания, трансфера, мероприятий и так далее. Значит, писатели?

– Угу.

– Сообщу в «Салун». – Джессика сделала еще одну заметку в своем телефоне. – Я никогда не устраивала больших мероприятий для писателей. Максимум – застолье в баре.

– Нам повезло. – Бодин указала большим пальцем на капсульную кофеварку. – Выпей кофе.

Джессика молча подняла зеленую бутылочку «Бодин резорт», которую обычно носила с собой.

– Как же ты живешь без кофе? – искренне удивилась Бодин. – Или колы. Как можно пить одну воду?

– Ну, еще есть вино. И йога, и медитация.

– От всего этого клонит в сон.

– Вовсе нет, если делать правильно. Тебе в самом деле надо больше заниматься йогой. А медитация поможет уменьшить тягу к кофеину.

– Во время медитации я думаю о том, что могла бы сделать вместо нее. – Откинувшись на спинку кресла, Бодин покрутилась в нем вправо-влево. – Мне ужасно нравится твой жакет.

– Мерси. В выходной я ездила в Миссулу, разорилась. Для психики это почти так же полезно, как йога. Сол сообщила мне, что Линда-Сью немного задержится – как необычно! – и что с ней приедет мать.

– Да, новый поворот. Ничего, справимся. Они заказывают пятьдесят четыре домика на три дня. Вечером ужин-репетиция, на следующий день свадьба, свадебный банкет, в целом, помимо всего прочего, Дзен-Таун будет занят на целый день накануне свадьбы.

– До свадьбы остается всего четыре недели, не так много времени, чтобы они могли придумать что-либо еще, добавить новых перышек и пуха.

Широкий рот Бодин скривился в усмешке.

– Ведь ты встречалась с Долли Джексон, верно?

– С Долли я справлюсь.

– Да, лучше ты, чем... кто-то другой, – решила Бодин. – Давай еще раз посмотрим, что у нас есть.

Они прошлись по списку сверху вниз и переключились на более скромные банкеты, намеченные на пред рождественскую неделю. Тут в дверь заглянула Сол:

– Линда-Сью и ее мама.

– Сейчас придем. Пстой-ка, Сол. Закажи мимозы.

– Вот это дело!

– Разумно, – одобрила Джессика, когда Сол исчезла за дверью. – Смягчим их нашей заботой и предупредительностью.

– Линда-Сью не такая и плохая. Чейз крутил с ней любовь минут пять, когда они учились в старших классах. – Бодин встала и одернула темно-коричневую жилетку. – А мимозы никогда не помешают. Ну что, в ружье?

Хорошенькая, фигуристая, легко краснеющая Линда-Сью шла по вестибюлю, прижав руки к груди.

– Ма, неужели ты не понимаешь? Все будет украшено к Рождеству: деревья, гирлянды и прочее. А Джессика сказала, «Мельница» будет вся сверкать.

– Тем лучше. Говорю тебе, Линда-Сью, что нам нужны большие канделябры, не менее дюжины. Золотые, как в том журнале, который я смотрела. Только золото не блестящее, а классическое, матовое.

Пока они говорили, Долли что-то царапала в толстой, как кирпич, и белой, как невеста, свадебной папке, которую принесла с собой.

В ее взоре сквозило легкое безумие.

– И красный бархат – не ярко-, а темно-красный – будет постелен на дорожке от того места, где останутся сани. Не белый. Красный эффектнее подчеркнет твоё платье. И я говорю тебе, что нам нужна арфистка – в красном бархате с классической золотой каймой, – чтобы она играла, пока гости будут входить и рассаживаться по местам.

Джессика набрала в грудь воздуха.

– Нам потребуется больше мимозы.

– Я согласна с вами, – вступила в разговор Бодин, любезно улыбаясь.

Бодин удела́ла этой классической свадьбе сорок минут и сбежала. За три месяца, которые Джессика организовывала у них мероприятия, она доказала, что отлично умеет ладить с суетливыми, амбициозными мамами и робкими невестами.

В любом случае у Бодин было назначено совещание с менеджером по закупкам продуктов и напитков, ей нужно было ответить на вопросы одного водителя. Еще она хотела наконец побеседовать со старшим конюхом и вычеркнуть из своего списка этот вопрос.

Извилистая, посыпанная гравием дорожка от офиса до спорткомплекса «Бодин» протянулась на полмили по неровному полю с подъемами и спусками, но когда Бодин вышла на хрустящий, как спелое яблоко, воздух, ей расхотелось садиться за руль и она решила пройти пешком.

Она чувствовала запах неизбежного снегопада; судя по всему, он мог начаться уже в полдень. Но пока небо в просветах между темными тучами было бледно-голубым.

Бодин прошла мимо маленьких зеленых киа, приобретенных для отдыхающих (ездить на них можно было только по территории), потом свернула на узкую тропу, тоже посыпанную гравием, и не увидела там никого.

По обеим сторонам тропы простирались поля, заметенные снегом. Совсем недалеко пробежали три оленя с темными по-зимнему боками и ярко-белыми хвостами.

Крик сокола заставил ее запрокинуть голову. Хищник кружил в небе. Разведение соколов в «Бодин резорт» стояло у нее в числе приоритетов на ближайшие три года, и в этом году она кое-что уже сделала.

Порывы ветра подхватывали снег с поля и закручивали вокруг нее, словно сверкающую пыль. Шаги гулко стучали по твердой, как металл, дорожке.

Возле спорткомплекса «Бодин» (СКБ) она заметила движение. Кто-то из работников выводил лошадей в загон. До нее донесся теплый конский запах, к нему добавились запахи промасленной кожи, сена и зерна.

Подняв руку, она приветственно помахала мужчине в плотной куртке и коричневой шляпе стетсон. Эйб Коттер похлопал пейнт-кобылу, которую чистил щеткой, и сделал пару шагов навстречу Бодин.

– Вот-вот снег повалит, – сказала она.

– Повалит, – согласился он. – Тут пара из Денвера хотела прокатиться. Они опытные наездники, и Мэдди немного показала им окрестности. Только что вернулись.

– Ты сообщи мне, если захочешь перевести кого-то на ранчо, поменять.

– Ладно. Ты пешком из главного?

– Да, захотелось воздухом подышать. Но знаешь, пожалуй, назад я верхом, загляну в Бодин-Хаус к моим леди.

– Привет им от меня передай. Я оседлаю для тебя кого-нибудь, вот, например, Три Носка. Ей не помешает пробежка. А ты побережешь мои старые кости.

– Ой господи, тоже мне, старик нашелся!

– Мне в феврале шестьдесят девять стукнет.

– Ты говоришь, что старый, а погляди-ка на моих бабушек.

Он засмеялся, вернулся к кобыле и снова стал чистить ее бока.

– Может, и так, но я все же возьму зимой отпуск, про который мы говорили. Навещу в Аризоне брата, мы с женой съездим. Сразу после Рождества и до апреля.

Она даже не поморщилась, хоть ей и хотелось.

– С годами зиму все тяжелее переносить. – Эйб проверил копыто кобылы и достал скребок. – Зимой не так много желающих прокатиться на лошади. Мэдди меня заменит на пару месяцев. Она справится, у нее есть голова на плечах.

– Я поговорю с ней. Она в ангаре? Я зайду туда, мне все равно надо поговорить с Мэттом.

– Там-там. А я оседлаю для тебя Три Носка.

– Спасибо, Эйб. – Бодин пошла было прочь, но тут же вернулась. – Какого черта ты будешь делать в Аризоне?

– Чтоб мне провалиться, если бы я знал. Ну, жить в тепле – это точно.

Она зашла в спорткомплекс. С начала весны и до конца октября это большое, похожее на амбар здание вмещало немало групп, готовившихся к сплаву на плотах, конным и пешим походам, поездкам на квадроциклах.

Но когда выпадает много снега, ангар пустеет, и вот теперь звук шагов гулко отдавался от цементного пола, когда она шла к округлой стойке, где сидел спортивный менеджер.

– Как поживаешь, Бо?

– Поживаю, Мэтт, и слава богу. А ты как?

– Затишье, но работа все-таки есть. У нас группа лыжников, бег по пересеченной местности, еще группа любителей пострелять по тарелочкам. Завтра семья, двенадцать человек, намерена прокатиться в горах, и я сообщил Чейзу. Он ответил, что раз Кол Скиннер вернулся, то пусть и займется этим.

– Верно.

Бодин поговорила с Мэттом про инвентарь, запчасти и спортивное снаряжение, потом достала телефон, где делала заметки, чтобы обсудить дополнительные развлечения на свадьбе Джексонов.

– Я пришлю тебе имейл с деталями. Ты обязательно все продумай, набросай план и сообщи мне, что тебе нужно.

– Понял.

– Эйб сказал, что Мэдди тоже тут.

– Она в туалете.

– Хорошо. – Бодин посмотрела на время в телефоне и убрала его в карман. Ей хотелось прокатиться на лошади и повидать бабушек, но и в офис надо было вернуться поскорее. – Немного могу подождать.

Она подошла к торговому автомату. Джессика права – необходимо пить больше воды. Но воды не хотелось. Сладкое и шипучее гораздо вкуснее. Ей хотелось колы.

Проклятая Джесси, подумала она, бросила монету и взяла бутылку воды.

С досадой сделала первый глоток, и тут показалась Мэдди.

– Привет, Мэдди.

Бодин подошла к инструктору по верховой езде. Ей показалось, что Мэдди бледновата и выглядит немного усталой, несмотря на ее улыбку.

– Привет, Бо. Я только что вернулась с маршрута.

– Слышала. У тебя все в порядке? Кажешься усталой.

– Все нормально, – отмахнулась Мэдди. Потом вздохнула. – У тебя найдется минутка?

– Конечно. – Бодин указала на один из столиков, расставленных всюду. – Так у тебя все в порядке? Тут? Дома?

– Лучше не бывает. Честно тебе говорю. – Мэдди, близкая с детства подруга Бодин, села и сдвинула назад шляпу, плотно сидевшую на ее светлых, как солнце, волосах, подстриженных до подбородка. – Я беременна.

– Ты... Мэдди! Как здорово! Правда, здорово?

– Здорово, замечательно и потрясающе. И чуточку страшновато. Мы с Тедом подумали: зачем нам ждать? Мы поженились прошлой весной и сначала хотели подождать годик-другой. Но потом сказали: а зачем? Вот и нырнули. – Она рассмеялась и похлопала по бутылке Бодин. – Дашь глоточек?

– Бери. Я так рада за тебя, Мэдди. А ты чувствуешь себя нормально?

– Первые два месяца блевала по три раза в день. Сначала утром, потом во время ланча и обеда. Стала быстрее уставать, но доктор говорит, так и должно быть. И тошнота скоро совсем пройдет – я надеюсь, во всяком случае. Пожалуй, сейчас мне уже легче. Вот только что меня мутило, но я сдержалась, и это уже хорошо.

– Тед, должно быть, прыгает от радости до небес.

– Да.

– Какой у тебя сейчас срок?

– В субботу будет двенадцать недель.

Бо открыла рот, снова закрыла, взяла у подруги бутылку и сделала еще один глоток.

– Двенадцать?

Вздохнув, Мэдди прикусила нижнюю губу.

– Я едва не поделилась с тобой прямо сразу, но все говорят, надо подождать первые три месяца, первый триместр. Мы не сообщали никому, только родителям – тут уж никуда не денешься, – да и то дождались, когда срок будет четыре недели.

– По тебе не заметно, что ты беременна.

– Скоро будет. Вот джинсы уже тесны в талии, я ношу их на подтяжках.

– Не может быть!

– Точно тебе говорю. – В доказательство Мэдди приподняла рубашку и показала Бо маленький серебристый зажим. – Гляди.

Мэдди приподняла шляпу, наклонила голову и показала отросшие на дюйм темные волосы.

– Мне нельзя сейчас краситься. Не буду снимать шляпу, пока не родится ребенок, клянусь тебе. Я не видела свой естественный цвет с тринадцати лет. Ты тогда мне помогала краситься той краской, «Найс-н-изи».

– Тогда мы еще осветлили мне прядь, и она стала похожа на ломтик неоновой тыквы.

– А мне казалось, ты выглядела круто. Вообще-то, в душе я блондинка, Бо, но буду беременной брюнеткой. Жирной брюнеткой. Буду ходить вперевалку и делать по-маленькому через каждые пять минут.

Засмеявшись, Бодин вернула бутылку подруге. Мэдди пила воду, поглаживая ладонью свой пока еще маленький живот.

– Я чувствую, что изменилась, честное слово, и это чудо. Бодин, ты представляешь? Я стану матерью!

– Ты станешь потрясающей матерью.

– Я буду стараться. Но, знаешь, есть еще кое-что, чего мне нельзя будет делать.

– Ездить верхом.

Кивнув, Мэдди отпила очередной глоток.

– Знаю, я слишком затянула с этим. Господи, я ведь езжу верхом с пеленок, но доктор стоит на своем, никаких поблажек.

– И он прав, Мэдди. Однако ты сегодня сопровождала туристов.

– Да, надо было сказать Эйбу, но я решила сначала поделиться с тобой. Потом он упомянул, что мне придется подменить его зимой, пока он будет в отъезде. Вот я и не хочу говорить ему – он так ждал эту поездку, нельзя, чтобы она сорвалась.

– Не сорвется, и ты не сядешь в седло, пока доктор не разрешит. Все так и будет.

Снова прикусив губу – верный признак беспокойства, – Мэдди крутила пробку на бутылке.

– Еще ведь и уроки.

– Мы найдем замену. – Бодин подумала, что как-нибудь выкрутится. Уже не раз приходилось. – Мэдди, у нас тут не только верховая езда.

– Понимаю. Я уже работала с бумагами. Могу делать груминг, кормить лошадей, работать кучером и возить туристов в манеж. Еще я...

– Вот и принеси мне рекомендации от своего доктора: что тебе можно и чего нельзя. То, что можно, ты будешь делать, а то, чего нельзя, – не будешь.

– Понимаешь, доктор ужасно осторожничает и...

– Я тоже, – перебила ее Бодин. – Я получу рекомендации, и ты будешь им следовать, или я тебя выгону.

Откинувшись на спинку стула, Мэдди нахмурилась.

– Тед угадал, что ты именно так и скажешь.

– Ты вышла замуж не за идиота. И он любит тебя. Как и я. А теперь отправляйся домой. Сегодня тебе уже хватит.

– Ой, мне не надо домой.

– Ты пойдешь домой, – повторила Бо. – Выспишься. Потом позвонишь доктору и скажешь ему...

– Ей.

– Не важно. Ты скажешь ей, чтобы она напечатала свои рекомендации и прислала тебе, а копию мне. И мы будем следовать им. В худшем случае, Мэдди, ты на несколько месяцев пересядешь из седла на стул. – Бодин улыбнулась. – И разжиреешь.

– Прямо жду этого.

– Вот и хорошо, поскольку так и будет. Теперь иди домой. – Бодин встала, наклонилась и крепко обняла Мэдди. – И поздравляю тебя.

– Спасибо. Спасибо, Бо. Я расскажу об этом Эйбу перед уходом. А ты его заверишь, что все в порядке и что он сможет уехать, ладно?

– Расскажи.

– Вообще-то я расскажу всем. Я просто умирала, так мне хотелось поделиться со всеми сразу, как только увидела результат теста. Эй, Мэтт! – Вскочив со стула, Мэдди похлопала себя по животу. – Я беременна!

– Ну ничего себе!

Бодин еще успела увидеть, как он, перепрыгнув через стойку, подбежал к Мэдди и, обняв, приподнял.

Родителям первым говорят о беременности, думала Бодин, выходя на улицу. Но ведь все они и ее семья тоже.

Глава вторая

По дороге Бодин обдумывала, что абсолютно необходимо сделать, что можно сделать и что имеет смысл сделать. Потеряв двух ключевых специалистов по работе с лошадьми, одного до весны, другую на целых восемь месяцев, она ломала голову, что предпринять. У нее были фрагменты пазла, и ей просто надо было сообразить, как их соединить, чтобы сложилась картинка.

Сыпал, пока еще лениво, мелкий снег, предвестник настоящего снегопада. Бодин нравился его запах, нравилось, что над головой снова скользил сокол. Толстый кролик выскакивал, пропадал из вида и снова появлялся, пересекая широкое белое поле.

Она направила лошадь быстрой веселой рысью, а потом, уловив ее желание, позволила перейти на приятный и плавный размашистый бег. Она увидела грузовик хозяйственной службы, спускавшийся по дороге от верхних деревянных домиков, и доставила себе и лошади удовольствие прокатиться в объезд, длинной дорогой, с которой видны белые горы, поднимающиеся к бледно-серому небу.

Какое-то время она ни о чем не думала. Потом она сложит тот пазл, решит проблему, сделает то, что следует сделать.

Она миновала белые палатки Дзен-Тауна, поднялась в гору мимо примостившихся на склоне домиков, которые они называли Маунтин-Вью, снова выехала на дорогу, которая шла к дому ее бабушек.

Белый, почти кукольный домик с элегантной голубой каемкой, большими окнами, позволявшими любоваться пейзажем, и обширными верандами спереди и сзади, чтобы отдыхать на них, стоял вдалеке от дороги. Рядом раскинулся сад, где обе бабушки с удовольствием возились.

Бодин направила Три Носка за дом к маленькому амбару и соскочила с седла. Ласково похлопав лошадь по шее, стреножила ее.

Подошла к заднему крыльцу и старательно вытерла ноги о коврик.

Аромат чего-то восхитительно вкусного, томившегося на плите, настиг ее обоняние в ту же минуту, как только она перешагнула порог. Расстегнув куртку, Бодин подошла к кастрюле и приподняла крышку.

Цыпленок с луком-пореем, решила она. То, что бабушка именует «кок-а-лики».

Она осмотрелась. Кухонька переходила в комнату с уютным диванчиком, мягкими креслами и огромным телевизором с плоским экраном.

Бабушки любили смотреть шоу.

На экране всегда разворачивалась какая-нибудь драма с невероятно красивыми актерами. Бодин увидела корзинку с вязальными спицами – прабабушкину – и корзинку для вязания крючком – бабушкину. Но сами леди отсутствовали.

Она проверила гостевую спальню, или домашний офис, – там было опрятно и пусто.

Она прошла в гостиную, разделявшую две маленькие спальни с туалетными комнатами. Там еле горел камин.

Бодин уже хотела позвать хозяек дома, но тут услышала из правой спальни голос бабушки:

– Вот я и починила! Я же говорила тебе, что справлюсь.

Кора вышла из своей спальни с ярко-розовым ящиком для инструментов и вскрикнула, прижав к сердцу ладонь.

– Боже правый, Бодин! Как ты меня напугала. Ма! Приехала Бодин!

Время инструментами, бабушка бросилась обнимать внучку.

Угги из овчины, аромат «Шанель № 5», стройная и хрупкая фигурка Кора в ливайсах и мягком, просторном свитере, наверняка связанном ее собственной матерью. Даже не верилось, что бабушке столько лет.

Бодин вдохнула ее запах.

– Что ты чинила?

– Ой, слив раковины в моей ванной протекал, как решето.

– Хочешь, я пришлю тебе сантехника?

– Ты говоришь, как твоя прабабушка. Я почти всю жизнь устраняю проблемы там, где они возникают. И сейчас я устранила проблему с раковиной.

– Конечно, конечно. – Бодин расцеловала бабушку в ее мягкие щеки и с улыбкой заглянула в пронизательные голубые глаза.

– У тебя есть проблемы?

– Скоро я останусь без конюха и инструктора, но уже думаю, как это исправить.

– Мы с тобой только этим и занимаемся, не так ли? Ма! Бодин приехала к нам! Где ты?

– Я иду, иду, разве не видишь? Не надо кричать.

Если Кора позволила своим волосам со стрижкой каре приобрести цвет соль-с-перцем, то Мисс Фэнси, как ее в шутку звали близкие, упрямо оставалась всю жизнь рыжеволосой.

На пороге девяностолетия она, пожалуй, двигалась чуть медленнее, чем раньше, но с гордостью сообщала, что у нее целы все зубы и что она слышит все, что ей хочется слышать, и ей нужны только очки для занятий рукоделием.

Она была маленькая и скорее кругленькая, чем толстая. Она обожала рубашки и бейсболки с надписями, которые высматривала и приобретала по Интернету. Сегодняшняя надпись гласила:

ВОТ ТАК

ВЫГЛЯДИТ ФЕМИНИСТКА

– Ты все хорошеешь и хорошеешь с каждым разом, – сказала Мисс Фэнси, когда Бодин обняла ее.

– Ты видела меня лишь два дня назад.

– Ну и что? Я все сказала правильно. Давай присаживайся. Мне надо проверить, как там суп.

– Пахнет изумительно.

– Ему еще час с лишним вариться. Останься, дождись его.

– Ой, не могу, я должна вернуться. Я просто заехала по дороге, чтобы повидаться с вами. Мисс Фэнси помешивала суп, а Кора убрала на место ящик с инструментами.

– Тогда чай с печеньем, – изрекла Кора. – Для чая и печенья всегда можно найти время.

Бодин напомнила себе, что она ест исключительно здоровую пищу и избегает сладостей и быстрых углеводов.

– Вчера вечером мы с Корой испекли сникердудлы с корицей. – Мисс Фэнси улыбнулась и поставила на плиту чайник.

Ох, вот оно, искушение! Зачем они соблазняют ее рождественским печеньем?

– Пожалуй, для печенек я найду время. Ты сядь, ба! Я сама налью чай.

Бодин достала фарфоровый чайник, чашки, ситечко, поскольку обе леди считали ниже своего достоинства держать в доме чайные пакетики.

– Вы пропустите ваше шоу, – напомнила Бодин.

– Ой, ничего, мы посмотрим его в записи, – отмахнулась Мисс Фэнси. – Его удобнее смотреть по вечерам и пропускать рекламу.

– Я устала объяснять ей, что шоу не обязательно включать и ставить на запись, но она не верит.

– Это какая-то бессмыслица, – возразила дочери Мисс Фэнси. – И я не хочу рисковать. Кстати, я слышала, что парень Скиннеров вернулся из Голливуда и работает на ранчо.

– Так и есть.

– Мне всегда нравился этот парень. – Кора поставила на стол тарелку с печеньем.

– Красивый, прямо картинка. – Мисс Фэнси взяла печенье. – Глаза такие дерзкие. Не теленок, интересный мальчишка.

– Чейз, с его серьезностью, хорошо на него влиял. А ты была в него влюблена, – сказала Кора внучке.

– Нет, неправда!

Обе бабушки обменялись почти одинаковыми усмешками.

– Мне тогда было двенадцать лет! А откуда вы знаете?

– У нас зоркие глаза. – Мисс Фэнси похлопала ладонью по груди. – Черт побери, я и сама влюбилась бы в него, будь я помоложе или он постарше.

– А что сказал бы тебе дед? – удивилась Бодин.

– Что семейные и мертвые – не одно и то же. Мы прожили с ним в браке шестьдесят семь лет, до самой его смерти, и оба всегда могли смотреть туда, куда хотели. Трогательно, правда? Все-таки получилось, что семейные и мертвые одно и то же.

Смеясь, Бодин поставила чайник на стол.

– Передай парню, чтобы навестил нас, – велела Кора. – От красивого мужика и день веселее.

– Передам. – Бодин с грустью смотрела на печенье.

Ладно, здоровую пищу она съест потом.

К тому времени когда Бодин закончила дневные дела, повалил густой снег. Она была рада, что полакомилась у бабушек печеньем, поскольку пропустила ланч и обед.

Она припарковала свой пикап возле ранчо, готовая съесть все, что попадется под руку, но после бокала вина.

В прихожей она разделась, подхватила портфель и увидела на кухне Чейза. Брат доставал из холодильника пиво.

– Рагу из говядины на плите, – сообщил он. – Мама велела держать его горячим до твоего прихода.

Красное мясо... Бодин старалась есть его как можно меньше... Ох, ну ладно...

– Где все?

– У Рори свидание. Мама сказала, что проведет остаток своей жизни в ванне и отмокнет. Папа, вероятно, вместе с ней.

Бодин тут же постучала пальцами по виску.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Я видел его глаза и решил поделиться. – Он помахал бутылкой. – Хочешь пива?

– Я буду вино. Для здоровья полезно выпивать каждый день стакан вина. Можешь прочитать в Интернете, если не веришь, – добавила она, заметив его усмешку.

Возможно, она налила себе чересчур щедро, но это был *один* бокал.

– Значит, Мэдди беременна.

– Откуда ты знаешь? – Хмурясь от досады, она пила вино, держа бокал одной рукой, а другой накладывала рагу себе в миску.

– Мэдди сообщила Теду в эсэмэске, что сказала тебе, а потом и всем остальным, кто находился в пределах слышимости. Так он объяснил мне. И всем остальным, кто находился в пределах слышимости. Но я вообще-то ожидал эту новость.

– Ожидал? Почему?

– Дело в выражении его глаз, Бодин. Глаза у него изменились – да еще иногда он что-то говорил про отцовство и все такое.

– Если ты что-то подозревал, то почему не спросил у него прямо? – От досады Бодин ткнула брата локтем в бок. – Если бы я знала об этом раньше, ну хотя бы пару недель назад, то оставила бы кого-нибудь из сезонных помощников конюха. Впрочем, кому я это говорю, – буркнула она, хватая ложку из ящика. – Чарльзу Сэмюэлю Лонгбоу, который не любит, когда ему задают вопросы.

– Как-то все устроится, не сомневаюсь. Я пойду с пивом в другую комнату, к огню.

Сунув ложку в рагу, Бодин пошла за ним. Как и брат, она села на диван и положила ноги на столик.

– Я обзвонила всех сезонных, которые могли бы заменить Эйба. Ведь мне нужен не только берейтор. И у всех уже есть работа на зиму. – Она с мрачным видом принялась за рагу. – У меня остается всего несколько недель до отъезда Эйба в эту чертову пустыню, но я не хочу ставить менеджером человека, которого совсем не знаю. Ведь даже времени на обучение совсем мало. У меня остались Бен и Кэрл, они хорошие помощники, но в менеджеры не годятся.

– Возьми Кола.

– Кола?

– Да, он легко переключается с одной работы на другую. Он справится с лошадьми и хорош как менеджер. В крайнем случае, мы с отцом можем закрыть какие-то дыры. Рори или мама тоже. Черт побери, бабушка сумеет сопровождать конные группы. Она каждый день подолгу ездит верхом.

– Сегодня я заглянула к ним. Верхом. Когда бабуля узнала об этом, то хотела поехать до спорткомплекса. Немножко надулась, когда я не позволила ей из-за снега. Все-таки ей нельзя доверить конные маршруты зимой.

Чейз лениво кивнул и отпил пива.

– Она может давать уроки.

– Да, я тоже так думаю. Ей это понравится. Ну, если я смогу получить такую помощь хотя бы до возвращения Эйба, это избавит меня от необходимости кого-то искать. Что ж, Чейз, ты не совсем бесполезный.

– Я? – Он допил пиво. – Во мне полно скрытых резервов.

– Не думаю, что эти твои резервы мы сможем использовать при раскатке десяти миль красного бархата, расстановке дюжины золотых канделябров – высотой в пять футов – и общении с арфисткой в красном бархатном платье.

– Пока эти мои резервы так и остаются скрытыми.

– Свадьба Линды-Сью. Ее мать пришла с ней сегодня и снова что-то придумывала, меняла, капризничала. Зря мы мимозы на нее тратили, – пробормотала Бодин.

– Ты ведь хотела управлять комплексом.

– Да, и работа мне нравится, даже в такие дни, как этот. К тому же бархат, арфистка и золото – проблемы Джессики. То, что она не попросила Долли заткнуться, доказывает: я поступила разумно, взяв ее в менеджеры.

– Никогда не думал, что она столько продержится. – Чейз с довольным видом смотрел на падавший за окном снег. – Но она ведь еще не видела нашей зимы.

– Она останется. Почему бы и нет?

– Джессика городская. С Восточного побережья.

– С тех пор как Марта ушла от нас пять лет назад, она лучший менеджер за эти годы. Мне даже не нужно проверять и перепроверять ее работу.

– Ты ведь все равно проверяешь.

– Не так, как до нее. – Бодин посмотрела в большое окно, как и Чейз. Снежные хлопья падали и падали в темноте. – Сугробы уже по колено. Пожалуй, я напишу Лену. Надо почистить дороги грейдером.

– Проверяй и перепроверяй.

– Такая у меня работа. – Бодин перевела взгляд на потолок. – Ты действительно думаешь, что они вместе сидят в ванне?

– Могу поспорить на деньги.

– Тогда я пока не пойду наверх. Пожалуй, мне надо выпить еще бокал вина.

– Раз уж ты пойдешь на кухню, захвати мне пива. – Чейз тоже посмотрел вверх. – Дадим им еще полчаса, а потом я поднимусь к себе.

На следующий день Бодин несколько часов проверяла дороги, проходившие через комплекс, потом, вернувшись в офис, одобряла одни предложения, откладывала другие, дала зеленый свет запросу о новом постельном белье для домиков.

Только она начала просматривать зимнюю рекламу – буклеты, рекламные блоки в электронной почте, веб-сайты, Фейсбук и Твиттер, – как в кабинет влетел Рори.

Он плюхнулся в кресло и обмяк, словно собирался остаться тут надолго.

– У меня последний просмотр зимней рекламы, – начала было Бодин.

– Вот и хорошо, потому что у нас есть новая. Поставишь и ее.

– Новая что?

– Идея. – Он с улыбкой оглянулся на дверь, когда в нее вошла Джессика. – Вот она, моя поделница и сообщница. Мама тоже, но в меньшей мере.

– Ты о чем? Брошюры напечатают завтра, а реклама на сайте пойдет на следующей неделе.

– Через несколько дней она утратит актуальность.

Зная, что с Бодин нельзя так говорить, Джессика похлопала Рори по руке – даже ущипнула, – потом села.

– Я думаю, мы можем опираться на интерес к нашим фестивалям «Еда для ковбоев» и «Бодин-родео», сформировавшийся за последние два года, – сказала она.

– «Бодин-родео» – наше самое прибыльное мероприятие, – добавил Рори. – Но только четверть тех, кто участвует или покупает билеты, остаются с нами, едят в наших ресторанах, пьют в баре, пользуются нашим сервисом.

– Знаю, Рори. Большинство участников родео приезжают на своих кемперах или ночуют в мотелях. Много билетов покупают местные. Июньское «Лови и поезжай» не приносит такой выручки по билетам, зато там всегда активная бронь. Так что дело в сезоне.

– Совершенно точно. – Он наставил на нее палец. – Зимой что мы имеем? Снег. Много снега. Люди приезжают сюда с востока или из Калифорнии, они хотят почувствовать себя ковбоями, прокатиться на лошади, проехать в фургоне, как первые переселенцы, съесть бургер из бизона, и все это в толстой обертке комфорта. – Рори скрестил лодыжки в роскошных ковбойских сапогах фирмы «Фрай». В том, что касалось коммерческих презентаций, он чувствовал себя как рыба в воде. – Некоторые приезжают в зимнее время, чтобы погонять на снегкатах или понежиться в тепле и уюте деревянного домика, заказать массаж. Но клиентов часто отпугивают глубокие сугробы, а мы теряем потенциальную выгоду. Почему бы нам не сделать так, чтобы снег приносил нам доход?

Бодин уже научилась – хотя, надо признаться, постепенно – не смотреть на Рори как на младшего брата, когда речь идет о маркетинге.

– Я слушаю.

– Конкурс снежной скульптуры. В выходные. Как это будет выглядеть? Разделим участников на четыре категории. До двенадцати лет, с двенадцати до шестнадцати, взрослые и семьи.

Мы назначим призы, пригласим местные СМИ. И предложим дисконт на домики для двухдневного размещения участников.

– Ты хочешь, чтобы люди лепили снеговиков?

– Не снеговиков, – вмешалась Джессика. – Хотя как вариант их тоже можно. Мы говорим о скульптурах, композициях из снега, как во Флориде из песка. Для этого выделим несколько акров, за детьми присмотрят наши сотрудники. Будем продавать горячий шоколад и суп.

– Мороженое.

– Мороженое... – Рори удивленно покачал головой. – А мне и в голову не пришло.

– Мы предоставим участникам лопаты, совки, резцы и все такое, – продолжала Джессика, – но участники смогут приезжать и с собственными инструментами, если захотят. Мы будем встречать их в пятницу вечером, определять участки, а утром в субботу, ровно в девять, начало.

– Надо придумать, чем занять маленьких детей, – размышляла Бодин. – Ведь они не могут долго концентрировать внимание на чем-то, верно? И им нужно будет уйти с холода и чем-то заняться – поесть или просто перекусить. Взрослым тоже наверняка захочется сделать перерыв.

– Мы устроим в «Торбе» буфет. Может, поставим обогреваемые палатки для массажа шеи и плеч. Я придумаю занятия для детей. – Джессика нахмурилась. – Продолжаю зимнюю тему. За дополнительную плату можно предложить катание на санях. Вечером в субботу объявление победителей, вручение призов, праздничный ужин.

– Идея мне нравится, но вы должны срочно проработать детали, ценообразование, провести коммерческую презентацию. Сделайте фотографии. «*Феерия* снежной скульптуры» – более броское название, чем *конкурс*.

– Верно, черт побери, – согласился Рори. – Вот почему ты у нас босс.

– И не забывай об этом.

– Сейчас же займусь деталями. – Джессика встала, положив в карман телефон. – Рори, может, мы через часок обдумаем все вместе и запишем?

– Ладно, я готов. – Он посмотрел ей вслед и с улыбкой на миллион долларов повернулся к сестре: – От нее приятно пахнет.

– Серьезно?

Рори приподнял брови.

– Серьезно приятно.

– Она слишком старая для тебя и слишком стильная.

– Возраст – всего лишь состояние ума, а я тоже бываю стильным, когда мне надо. Не то чтобы у меня серьезные намерения, – добавил он. – Я просто так отметил. – Он поднялся с кресла. – Знаешь, я могу на этом такой маркетинг сделать.

Он может, подумала она. И сделает.

– Постарайся, чтобы это окупилось, – попросила она.

– Мелочная скряга.

– Фантазер. Брысь отсюда! Мне надо работать.

И работы прибавилось, подумала она, глядя на экран компьютера и на предлагаемую обложку буклета.

Нужно ее изменить с учетом новых предложений, причем срочно, чтобы обеспечить солидное бронирование.

Она взялась за телефон, чтобы позвонить дизайнеру.

Рори и Джессика – при поддержке Морин – сдержали слово. К пяти часам на стол Бодин легло подробное коммерческое предложение, проект дизайнера и цены.

Еще час ушел на корректировку, одобрение и отправку одобренной копии дизайнеру, но Бодин считала это нормальным.

Уходя домой, она взглянула на «Дайнинг-холл» и на автомобили на стоянке возле ресторана. Несколько «Киа», много внедорожников, пикапов и других машин.

Неплохо.

Ей самой хотелось поужинать и какое-то время не давать ответы на бесчисленные вопросы. Может, пораньше лечь спать.

Подъехав к ранчо, Бодин схватила портфель и вошла в прихожую, обдумывая, чем заняться вечером.

Бокал вина.

Ужин.

Горячий душ. Долго.

Пара часов с книжкой.

Сон.

Планы просто идеальные.

Ее нос уловил запах – нет, она не ошиблась – лазаньи, приготовленной Клементиной, и она решила, что Бог все-таки есть.

Когда Бодин вошла на кухню, Клементина – шесть футов костей и ворчания «очи-сти-тарелку-и-не-мели-ерунду-не-дерзи» – как всегда трескуче смеялась.

– Парень, ты не изменился ну ничутью, ни на каплю.

– Ничто в этом мире и в другом тоже не может изменить мою глубокую и вечную любовь к тебе.

Бодин узнала этот голос, его лукавое обаяние и посмотрела туда, где, опираясь на стойку, стоял Коллен Скиннер и пил пиво, а Клементина загружала посудомойку.

Глава третья

Он все же чуточку изменился, подумала Бодин.

Тогда он был скорее худой. Теперь возмужал. Длинные ноги и узкие бедра – он по-прежнему был строен, но в плечах стал шире, да и лицо казалось еще более привлекательным.

У него всегда было приятное лицо, но теперь черты немного заострились, скулы стали тверже. Его волосы цвета зимней шкуры оленя были длиннее, чем она помнила, и чуть завивались возле ушей и над воротом рубашки.

Интересно, они по-прежнему слегка выгорали на солнце, когда он больше десяти минут ходил без шляпы? Он повернул голову и посмотрел на нее, и она увидела, что его глаза такие же, как прежде: обманчиво спокойные, серого цвета, в котором могли появляться оттенки голубого или зеленого.

– Привет, Бодин.

Клементина повернулась и уперлась кулаками в свои костлявые бедра.

– Ну наконец-то явилась! Ты думаешь, у меня тут кафетерий? Тебе повезло, что для тебя еще осталось чуть-чуть еды.

– Ругай лучше Рори. Это он свалил на меня кучу дел в конце дня. Эй, привет, Коллен.

– Мой руки, – приказала Клементина. – Потом садись за стол.

– Да, мэм.

– Хочешь пива? – спросил Коллен.

– Она хочет бокал красного вина, которое стала пить, поскольку оно полезно для сердца или что-то в этом роде. Вон оно. – Клементина взмахнула рукой, указывая на бутылку.

– Правда? Сейчас принесу тебе. – Коллен прошел через кухню, взял бокал и налил вина, пока Бодин послушно мыла руки.

– Съешь этот салат. – Клементина положила салат в тарелку, чем-то побрызгала и перемешала. – И не фыркай насчет заправки.

– Нет, мэм. Спасибо, – добавила Бодин, когда Коллен протянул ей бокал.

Она села, сделала первый глоток вина, а когда Клементина бросила ей на колени салфетку, взяла вилку.

– Кол, а ты сядь тут, составишь ей компанию. Почти все время опаздывает к ужину и ест одна. Почти все время! В духовке стоит тарелка, чтобы не остыла. Ты проследи, чтобы она съела все до кусочка.

– Сделаю.

– Коллен, хочешь еще яблочного пирога?

– Дорогая Клем, извини, но у меня уже не осталось на него места.

– Что ж, тогда возьми с собой кусок в хижину, когда будешь уходить. – Она ущипнула его за щеку, и его усмешка вспыхнула, как летняя молния. – С приездом домой. А я пойду. – Вместо щипка Бодин получила от Клементины легкий и ласковый шлепок по затылку. – До кусочка, юная леди. Пока, завтра увидимся.

– Доброй ночи, Клементина. – Бодин подождала, когда закроется дверь прихожей, вздохнула и снова взялась за бокал. – Тебе не обязательно тут сидеть и смотреть, как я ем.

– Я же обещал. Честное слово, прямо сейчас побегу и женюсь на этой женщине за ее ворчание. А ее кулинарное мастерство станет бонусом. – Коллен медленно потягивал пиво, глядя на Бодин. – Ты похорошела.

– Ты так думаешь?

– Я вижу. Ты всегда была красивой, но теперь стала еще лучше. Как дела-то?

– Хорошо. Много дел. Хорошо и много дел. А ты?

– Рад, что вернулся. Я не был уверен, что буду рад, так что это тоже приятный бонус.

– Ты еще не успел соскучиться по Голливуду.

Он пожал плечами:

– Работа была хорошая. Интересная. Труднее, чем кажется, труднее, чем я думал, когда взялся за нее.

Она подумала, что интересная и приносящая удовлетворение работа обычно бывает трудной.

– Ты получил от нее то, что хотел?

Он снова посмотрел ей в глаза.

– Да.

– Прошло уже два года, но я хочу сказать: мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом. И прости, что я не была на похоронах.

– Что делать. Кажется, ты тогда болела, грипп или что-то такое.

– Что-то такое. Три дня были тяжелыми. Я в жизни так не болела и не хочу повторения.

– Раз уж мы заговорили об этом, мне жаль твоего деда – вернее, прадеда. Хороший был человек.

– Один из лучших. Как твоя мама, Коллен?

– Хорошо. Ей лучше там, где она сейчас. Балует внука, другой на подходе. Мы продаем оставшуюся у нас землю твоему отцу.

Бодин принялась за салат.

– Не знаю, должна ли я говорить, что мне жаль.

– Не нужно. Для меня она больше ничего не значит. Уже давно.

Может, это правда, подумала она, но все-таки это было бы его наследство.

– Мы разумно распорядимся этой землей.

– Не сомневаюсь. – Встав, он достал из духовки ее тарелку. – Бодин, вот смотрю на тебя, – сказал он и поставил перед ней тарелку, – и удивляюсь. Черт побери, ты управляешь всем хозяйством.

Пользуясь тем, что рядом нет Клементины, Бодин добавила в рагу перца из перечницы.

Ей нравилось острое.

– Я делаю это не одна.

– Судя по тому, что я слышал, у тебя все получается. Сегодня я работал у вас, – добавил он. – Чейз решил, что мне лучше помогать Эйбу, поскольку прошли годы и я должен снова почувствовать, как тут все делается.

Она уже знала – только потому, что Чейз все-таки написал ей об этом задним числом.

– И как, почувствовал?

– Начинаю понемногу. Так я скажу тебе, если хочешь услышать мое мнение.

Он чуточку выждал. Она молча пожала плечами.

– Я согласен с Эйбом, что тебе нужно нанять еще одного конюха. Конечно, ты можешь брать работников с ранчо, но тебе будет лучше с тем, кто находится там постоянно. Я без проблем возьму на себя обязанности Эйба, когда через месяц он уедет, но все-таки одного человека не хватает.

Поскольку она признала его правоту, то просто кивнула.

– Я думаю над этим. Но пока никого не нашла.

– Мы в Монтане, Бодин. Ты найдешь твоего ковбоя.

– Я ищу не просто пару сапог. – Она взмахнула вилкой. – Если бы я не знала тебя, ты бы не мог заменить Эйба.

– Справедливо.

– Но я тебя знаю. Может, у тебя есть кто-нибудь в Калифорнии, кто хочет сменить декорации.

Коллен посмотрел на бокал с пивом.

– Сменить надежно смонтированные декорации и отправиться туда, где ты нужен? – Он с сомнением покачал головой. – Деньги там серьезные. Конечно, я могу позвонить, но мне будет неловко просить парней отказаться от таких денег ради того, чтобы возить по горам туристов, давать уроки, убирать навоз и делать груминг. – Он поднял взгляд на нее. – Почему я сам это сделал?

– Я не спросила это.

– Нет, спросила. Пришло время вернуться домой. – Снова вспыхнула молния его усмешки. – И, может, я скучал по тебе, Бодин, и по твоим длинным ногам.

– Хм... – В ее ответе прозвучало удивление и сарказм одновременно.

– Я мог бы, если бы узнал, как ты похорошела.

– И я тоже могла бы скучать по твоей заднице, если бы знала, что она уже не такая костлявая.

Он рассмеялся:

– Знаешь, что я понял прямо сейчас? Я правда скучал по тебе. И по этой кухне скучал. Впрочем, ох, да она изменилась, стала стильной! Двери кладовки новые, раздвижные. А плита – то какая шикарная, о-го-го! Кран прямо из стены. Клементина говорит, чтобы наливать воду в кастрюли.

– Бабушки приучили маму смотреть телешоу «Уютный дом». Папа чуть не взбесился, когда она убеждала его, что необходимо переделать кухню.

– Вот кого мне еще очень не хватало. Я бы с удовольствием повидал твою бабушку и Мисс Фэнси.

– Они обрадуются. Ты нормально устроился в хижине? Может, что-нибудь надо?

– Более чем нормально. Она тоже изменилась, стала шикарнее, чем в те времена, когда мы с Чейзом прятались там и готовились к новым приключениям.

– И запирались от меня. – Бодин поняла, что ей до сих пор обидно.

– Ну, ты ведь была *девчонка*.

Ее рассмешила его интонация – он произнес это слово с ужасом. Что ж, пожалуй, она тоже чуточку скучала по нему.

– Я ездила верхом не хуже вас обоих.

– Да, точно. Это меня страшно злило. Чейз сказал, ты осталась без Уандер несколько зим назад.

Бодин ездила много лет на послушной кобыле, любила ее, ухаживала за ней. С двух лет, когда им обоим было два года.

– Да, у меня сердце разрывалось. Я полгода не могла выбрать ей замену.

– Но ты выбрала правильно. У твоего Лео и мозги есть, и характер. Хочешь еще вина?

Она задумалась.

– Половину бокала.

– Какой смысл в половине чего-то?

– Это больше, чем ничего.

– Что ж, ответ успокаивает. – Он встал, взял бутылку и поставил на стол. – Кажется, ты все съела дочиста, так что я сдержал обещание, данное Клементине. Теперь могу уйти.

– Хочешь пирога?

– Нет, если возьму, он будет лежать на столе и соблазнять меня, придется съесть. И я тогда не засну. Рад был повидать тебя, Бо.

– Я тоже.

Когда он ушел, она посидела с минуту задумавшись и рассеянно потирая пальцем перочинный ножик, который носила в кармане – всегда, с двенадцати лет. Тот самый, который он подарил ей на день рождения.

Может быть, просто может быть, она до сих пор сохранила чуточку той влюбленности. Совсем чуточку.

Ей не нужно было ни о чем беспокоиться, она ничего не хотела. Лишь иногда взглянуть на мужчину, в которого превратился мальчишка, заставлявший трепетать ее юное сердечко.

Хорошо, что она поняла это, согласилась с этим и аккуратно отложила в сторону.

Она взяла бутылку и налила себе ровно полбокала.

Это было больше, чем ничего.

1991 год

Он велел называть его Сэр. Элис запомнила каждую черточку его лица, тембр голоса. Когда она убежит, то сообщит в полицию, что он белый, ему около сорока, рост под метр восемьдесят, вес примерно восемьдесят килограммов. Жилистый и очень сильный. У него карие глаза и темно-русые волосы.

На его левом бедре заметный шрам длиной около двух с половиной сантиметров, а на правом – большое коричневое родимое пятно.

От него часто пахнет кожей, пивом и ружейным маслом.

Она поработает в полиции с художником.

Она больше месяца ругала себя, что не обратила внимания на его пикап. Даже цвет не сохранился в памяти, хотя ей кажется – чаще всего кажется, – что он ржаво-синий.

Она не сможет назвать и номер машины, хотя, может, тот пикап все равно краденый. Но она подробно опишет его самого – от ковбойской шляпы до потертых сапог «Дюранго».

Если ей прежде не удастся убить его.

Она мечтала об этом. Она как-нибудь ухитрится завладеть ножом, или ружьем, или веревкой и убьет его, как только услышит скрип двери подвала, как только услышит тяжелые шаги на ступеньках, ведущих в ее тюрьму.

Она не имела представления, где находилась. Может, в Монтане, а может, он увез ее дальше, в Айдахо или Вайоминг. Да он мог улететь с ней на луну.

В ее тюрьме был цементный пол, стены, обитые дешевой фанерой. Окна не было, к единственной двери вели шаткие ступеньки.

У нее имелся туалет, раковина на стене, подобие душа, где лейку приходилось держать в руке. Как и воздух в комнате, вода в душе никогда не была теплой.

Словно желая обеспечить ей уединение, он повесил драную занавеску, отделявшую туалет от остального.

Остальное было площадью в десять шагов – она знала, потому что прошла там миллион раз, натягивая цепь, прикрепленную к ее правой ноге и не дававшую ей подняться выше второй ступеньки. В тюрьме были койка, стол, прикрепленный к полу, привинченная к столу лампа – медведь, лезущий на дерево, – и лампочка в сорок ватт.

Рюкзак он забрал, но оставил зубную щетку, пасту, мыло, шампунь и велел пользоваться ими, поскольку чистота угодна Богу.

Он дал ей одно жесткое полотенце и мочалку, а еще, к ее облегчению, два теплых одеяла. На столе лежала Библия.

Что касается еды, то в старом деревянном ящике она нашла коробку овсяных хлопьев, ломоть белого хлеба, маленькие упаковки арахисового масла и виноградного желе и пару яблок – как утверждал Сэр, они полезны для здоровья, с ними не нужны доктора. У нее была одна пластиковая миска и одна пластиковая ложка.

Он приносил ей обед. Только потому она знала, что прошел еще один день. Обычно это было какое-то рагу, но иногда жирный бургер.

Сначала она отказывалась есть, кричала, бросалась на него. Он избил ее до потери сознания и забрал одеяла. Целые сутки она провела в кошмарах боли и холода и поняла, что надо есть. Чтобы сохранить силы для побега.

Ублюдок наградил ее шоколадкой.

Она пыталась умолять, подкупать – обещала, что ее семья заплатит ему, если он ее отпустит.

Он заявил, что она теперь его собственность. И хоть она явно была проституткой, когда он спас ее на пустынной дороге, теперь он отвечает за нее. И может делать с ней все, что угодно.

Он предложил ей читать Библию, поскольку там написано, что женщина должна подчиняться мужчине и что Бог сотворил женщину из ребра Адама, чтобы она помогала мужу и вынашивала в своем чреве его детей.

Когда она назвала его сумасшедшим ублюдком и проклятым трусом, он отодвинул в сторону свою миску рагу. Его сжатый кулак сломал ей нос, и она осталась рыдать, обливаясь кровью.

В первое время, когда он брал ее силой, она бешено отбивалась. Он бил и душил ее, но она отбивалась, кричала, умоляла день за днем, пока они не слились в одну мрачную темную полосу.

Однажды он принес ей порцию жареного свиного окорока, нарезанную кусочками, горку картофельного пюре с мясной подливкой, горку зеленого горошка и бисквит. И даже красную клетчатую салфетку, сложенную треугольником, чем напугал ее до онемения.

– Это наш рождественский обед, – сообщил он, устроившись на ступеньках со своей тарелкой. – Я хочу, чтобы ты ела это с благодарностью за мои хлопоты.

– Рождество. – У нее все задрожало внутри. – Сегодня Рождество?

– Я не признаю всю эту чепуху с подарками и елками. В этот день мы празднуем рождение Иисуса. Поэтому достаточно и хорошего обеда. Ешь.

– Рождество! Пожалуйста, пожалуйста, ради бога, отпусти меня. Я хочу домой. Я хочу к маме. Я хочу...

– Заткни свой рот, меня не интересует, чего ты хочешь! – рявкнул он, и она отшатнулась, словно от удара. – Если я уйду отсюда, не доев свой обед, ты пожалеешь об этом. Уважай меня и ешь то, что я тебе дал.

Она взяла ложку, сунула в рот свинину и стала жевать, хотя ее челюсть все еще болела от побоев.

– Я приношу тебе столько хлопот. – Больше месяца, подумала она, больше месяца она уже просидела в этой норе рядом с маньяком. – Неужели ты не хочешь, чтобы рядом с тобой была женщина-помощница, как сказано в Библии, которая станет заботиться о тебе? Готовить тебе еду?

– Ты научишься, – ответил он, поедая свинину с обманчивым спокойствием и терпением, которых она уже научилась опасаться.

– Но... я умею готовить. Я очень хорошо готовлю. Если ты позволишь мне пойти наверх, я стану тебе готовить.

– Тебе не нравится то, что ты ешь?

– О нет. – Она проглотила ложку клейкого картофеля. – Я вижу, что ты столько хлопотал, чтобы это приготовить. Просто я могу взять на себя эти заботы, готовить еду, делать уборку, стать настоящей помощницей.

– Ты держишь меня за дурака, Эстер?

Она уже давно перестала кричать, что ее зовут Элис.

– Нет, Сэр! Конечно, нет.

– Ты думаешь, я полный идиот и поддамся на уговоры женщины? А то я не знаю, что ты сразу попробуешь убежать, как только поднимешься по этим ступенькам. – У него скривился

рот, а глаза потемнели от гнева. – Или ты сначала попробуешь воткнуть кухонный нож в мою глотку.

– Да я никогда...

– Закрой свой лживый рот. Ты только что назвала меня глупцом. Я не стану наказывать тебя, как ты того заслуживаешь, поскольку сегодня родился младенец Иисус. Но больше не испытывай мое терпение.

Она поникла и теперь ела молча. Он с удовлетворением кивнул:

– Ты научишься. А когда я увижу, что ты достаточно хорошо научилась, то, может, пущу тебя наверх. Но пока ты будешь получать все, что тебе нужно, тут, внизу.

– Могу я попросить у тебя кое-что? Пожалуйста!

– Попросить можешь. Но это не значит, что ты что-то получишь.

– Мне бы хотелось перчатки и другую пару носков, которые были в моем рюкзаке. У меня мерзнут руки и ноги. Я боюсь заболеть. Если простужусь, то доставлю тебе еще больше хлопот, чем сейчас.

Он смерил ее долгим взглядом:

– Пожалуй, я подумаю.

– Спасибо. – Слова застревали у нее в горле, как и еда, но она заставила себя сказать: – Спасибо, Сэр.

– Пожалуй, я подумаю, – повторил он, – если ты докажешь, что уважаешь меня. Встань.

Она поставила бумажную тарелку на стол и встала.

– Сними одежду и ляг на кровать. Я хочу взять то, что принадлежит мне по праву, и на этот раз ты не должна сопротивляться.

Она вспомнила о своих обмороженных руках и ногах, о постоянном холоде. Он все равно свое возьмет. Какой смысл сопротивляться?

Она сняла свитер, рубашку, которая была под ним. Ее глаза были сухими, сердце тоже, когда она стаскивала с ног носки, прохудившиеся от ходьбы по цементному полу. Она спустила джинсы, высвободила из штанины левую ногу, а правую штанину спустила до того места, где щиколотку перехватывало стальное кольцо.

Она лежала на койке, ожидая, когда он разденется, ожидая, когда он навалится на нее всей своей тяжестью, вдавится в нее и начнет хрюкать и пыхтеть, пыхтеть и хрюкать.

Она подумала, что вот и наступил момент, окончательно сломавший ее: она покорилась насилию за пару носков.

Но потом она вспоминала эту ночь и понимала, что тогда тот момент еще не настал. Потому что все изменилось: она каждое утро уже неделю наклонялась над туалетом, ее тошнило.

Переломной точкой для нее стал момент, когда она поняла, что беременна.

Она боялась сказать ему и боялась не сказать. Она раздумывала о самоубийстве, поскольку, несомненно, это был наилучший выбор для нее самой и для существа, которое он породил в ней.

Но ей не хватало решимости и средств.

Может, он сделает это за нее, думала она, свернувшись калачиком на койке. Узнает, что она беременна, и забьет до смерти. И все останется позади.

Она думала о матери, сестре, бабушке с дедом, дядях, тетках и кузинах. Она вспоминала ранчо, представляя, какое оно теперь, в январских снегах, словно на почтовой открытке.

Никто не будет ее искать, напомнила она себе. Она сама захлопнула ту дверь, сожгла те мосты, перерезала тот провод.

И они никогда не найдут ее в этой крысиной норе.

Ей хотелось каким-то образом передать им, как сильно она жалеет, что сбилась со своего пути. Она была дерзкой эгоисткой, и ей было плевать, что чувствовали ее близкие. Она не верила, что нужна им.

Как ей хотелось сообщить им, что она вернется домой!

Услышав скрип двери и тяжелые шаги, она вздрогнула. Не столько от страха, сколько от чувства обреченности.

– Подними свою ленивую задницу с койки и поешь.

– Мне плохо.

– Тебе будет еще хуже, если ты не сделаешь то, что я сказал.

– Мне нужен врач.

Он схватил ее за волосы и дернул. Она закричала, закрыв лицо руками:

– Пожалуйста, пожалуйста. Я беременна. Я беременна.

Он еще сильнее дернул ее за волосы, заставив поднять лицо.

– Не пытайся проделывать со мной свои хитрые трюки, проститутка.

– Я беременна. – Она повторила это уже спокойнее, уверенная, что смотрит в лицо смерти. Пытаясь подготовиться к ней. – Уже шесть дней меня каждое утро тошнит. У меня давно не было месячных. Последние пришли вскоре после того, как ты привез меня сюда. Их не было в декабре, а сейчас их срок в январе. Я потеряла счет времени, пока ты не сказал про Рождество. Я беременна.

Он отпустил ее волосы, и она рухнула на койку.

– Тогда я доволен.

– Ты что?

– Разве ты плохо слышишь, Эстер? Я доволен.

Она вытаращила на него глаза, потом закрыла их.

– Ты хотел, чтобы я забеременела?

– Мы должны плодиться и размножаться. Твоя задача на земле – рожать детей.

Она тихо лежала, отбросив смиренное ожидание смерти. У нее снова появилась крупица надежды.

– Мне надо показаться врачу, Сэр.

– Твое тело создано для этой цели. Доктора просто дурят людей и наживаются на них.

Он хочет ребенка, напомнила она себе.

– Для нас лучше, чтобы ребенок был здоровым. Мне нужны пренатальные витамины и хорошие условия. Если я заболела, ребенок в моем животе тоже заболеет.

Огонек безумия сверкнул в его глазах.

– Ты думаешь, что доктор-жулик знает лучше, чем я?

– Нет. Мне просто хочется сделать как лучше для ребенка.

– Я скажу тебе, как лучше. Встань и съешь то, что я тебе принес. Мы отложим наши отношения, пока не будем уверены, что он крепко сидит в тебе.

Он принес ей маленький обогреватель и мягкое кресло. Поставил в комнатке маленький холодильник, где держал молоко, свежие фрукты и овощи. Он давал ей теперь больше мяса и заставлял каждый день принимать витамины.

Когда он почувствовал, что она достаточно окрепла, насилие продолжилось, но реже. И по лицу он ее бил уже не кулаком, а ладонью.

Ее живот рос, и Сэр принес ей огромные, широкие платья, которые она ненавидела, и пару шлепанцев, вызвавших у нее слезы благодарности. Он повесил на стену календарь и сам отмечал дни, а она смотрела, как ползут дни ее жизни.

Конечно же, он позволит ей подняться наверх, когда родится ребенок. Он хочет ребенка и позволит ей с малышом выходить из тюрьмы.

А потом...

Ей не надо торопиться, размышляла Элис, сидя в кресле возле горячего обогревателя, а у нее в животе шевелился и бил ножкой ребенок.

Она должна убедить его, что останется, будет послушной, что она сломалась. И когда она поймет, где находится, когда поймет, как ей лучше убежать, то убежит. Убьет его, если появится такая возможность, но убежит.

Она жила этой мечтой. Ребенок родится, ребенок откроет перед ней дверь для побега. Для нее он средство, чтобы покончить с этим кошмаром, – и ничего больше, ведь это существо, которое безумный тюремщик насильственно поселил в ней.

Когда она поднимется наверх, когда к ней вернутся силы, когда она поймет, где находится, когда Сэр начнет ей доверять, она убежит.

К Рождеству она будет дома, в безопасности, а ублюдок будет убит или попадет за решетку. Ребенок... она не могла думать об этом.

Пока не хотела.

В конце сентября, когда шел одиннадцатый месяц ее плена, с режущей боли в спине у нее начались схватки. Она ходила, пытаясь их облегчить, сидела в кресле, лежала на койке, поджав коленки, но ничего не помогало. Боль растекалась, усиливалась.

Когда отошли воды, она начала кричать. Кричала так, как не кричала в первые недели заточения. И, как и в те недели, никто не приходил на ее крик.

Она в ужасе заползла на койку, а схватки все усиливались, делались чаще. Ее горло пересохло, жаждало воды, между схватками она набирала воду из раковины в одну из чашек «Дикси», которые он принес ей.

Через десять часов после первых схваток открылась дверь.

– Помоги мне. Пожалуйста, пожалуйста, помоги мне.

Он торопливо сбежал вниз и встал, хмурясь, потом молча сдвинул шляпу на затылок.

– Пожалуйста, мне больно. Ужасно больно. Мне нужен врач. О господи, мне нужна помощь.

– Женщина рождает детей в крови и боли. Ты такая же, как все. Хороший день. Прекрасный день. Мой сын рождается на свет.

– Не уходи! – зарыдала она, когда он стал подниматься по ступенькам. – Господи, не оставляй меня. – Потом боль лишила ее способности говорить, оставив только вой и визг.

Он вернулся со стопкой старых полотенец, более пригодных для мытья пола, с водой в оцинкованном ведре и ножом в ножнах на поясе.

– Пожалуйста, вызови врача. Кажется, что-то не так.

– Все так, иначе не бывает. Это наказание Евы, вот и все. – Он откинул подол ее платья и сунул в нее пальцы, вызвав новую волну боли.

– Похоже, ты почти готова. Давай, ори сколько хочешь. Никто тебя не услышит. Мой сын рождается. Я сам приму его. Достану собственными руками на моей собственной земле. Я знаю, что делать. В свое время принял немало телят, а это то же самое.

Оно разорвет ее пополам, это чудовищное существо, которое ублюдок посадил в нее. Обезумев от боли, она колотила его, вырывалась. Потом просто зарыдала, обессилив, когда он снова ушел.

Она снова стала драться, хрипло крича, когда он вернулся с веревкой и привязал ее к койке.

– Ради твоей же пользы, – сказал он. – А теперь начинай выталкивать моего сына. Тужься, слышишь? Или я прямо сейчас вырежу его из тебя.

Обливаясь потом, Элис тужилась из последних сил, даже когда ее разрывала боль.

– Головка высунулась, ой, какая красивая. И уже волосики на ней. Тужься!

Она собрала оставшиеся силы и заорала от невыносимой боли. Обмякла от усталости и услышала слабый, как мяуканье, крик.

– Вышел? Вышел?

– Ты родила девку.

Она словно одурела от наркотика и чувствовала себя вне собственного тела, глядя сквозь глазури слез и пота, как он держал извивавшегося ребенка, скользкого от крови и кала.

– Девка.

Его глаза, пустые и холодные, смотрели на Элис, и в ней снова вспыхнул страх.

– Мужчине нужен сын.

Он положил ребенка ей на живот, вытащил из кармана суровые нитки.

– Приложи ее к груди, – приказал он, перевязывая пуповину.

– Я... я не могу. У меня руки привязаны.

С неподвижным, как маска, лицом он выдернул из-за пояса нож. Элис инстинктивно выгнулась, дернула за веревки, отчаянно стремясь обхватить руками ребенка, защитить его.

Но он всего лишь перерезал пуповину, потом веревки.

– Тебе нужно избавиться от последа. – Он притащил второе ведро. Крик девочки стал громче, и Элис обняла ее.

Новая, но не такая сильная, как до этого, боль застигла ее врасплох. Он швырнул плаценту в ведро.

– Заткни ее мяуканье. Помойся, и ее тоже вымой.

Он стал подниматься по лестнице и оглянулся в последний раз:

– Мужчине нужен сын, и он заслуживает сына.

Дверь захлопнулась. Элис лежала в грязной постели, ребенок извивался и кричал рядом с ней. Ей не хотелось его кормить, она не знала, как это делать. Ей не хотелось оставаться наедине с младенцем. Не хотелось смотреть на него.

Но она все-таки взглянула и увидела, как беспомощно оно лежит рядом с ней, это существо, которое росло внутри нее.

Это существо. Этот ребенок. Дочь.

– Все хорошо. Все будет хорошо. – Она пошевелилась, поморщилась и села, покачивая ребенка, поднесла девочку к груди. Ее чуть раскосые глаза слепо смотрели куда-то. Потом она поняла, что дочка взяла сосок и начала сосать.

– Вот видишь, да, вот видишь. Все будет хорошо.

Она ворковала, гладила крошечную головку и чувствовала, что ее переполняет огромная, невозможная любовь.

– Ты моя, не его. Только моя. Ты Кора. Так зовут твою бабушку. Теперь ты моя Кора, и я буду тебя любить.

Он бросил ее на три дня, и она боялась, что он не вернется. Со своей прикованной ногой она не могла добраться до двери и выйти из дома.

Будь у нее что-нибудь острое, она, может, попыталась бы отрезать собственную ногу. Скучные припасы таяли, но у нее были полотенца для дочки. Она намыливала и стирала их, чтобы маленькая Кора оставалась чистенькой.

Она сидела в кресле с дочкой на руках, пела песенки, ласково уговаривала Кору, когда та капризничала. Она носила дочку на руках, целовала в пушистую головку, любовалась крошечными пальчиками.

Дверь снова открылась.

Элис крепче прижала к себе дочку, когда Сэр спустился вниз с сумкой.

– Тут все, что тебе нужно. – Он повернулся к ней. – Дай-ка посмотреть на нее.

Если она даже вцепится сейчас зубами в его горло, ей все равно не снять с ноги цепь. Надо успокоиться и обаять его. Она улыбнулась:

– Твоя дочка красивая и здоровая, Сэр. Очень хороший ребенок. Почти не плачет, только когда голодная или мокрая. Нам нужна пара пеленок и...

– Я сказал, дай мне посмотреть на нее.

– Она только уснула. По-моему, у нее твои глаза, твой подбородок. – Нет, нет, все было не так, но ложь могла успокоить и смягчить. – Мне надо поблагодарить тебя за то, что ты помог мне родить такую красавицу.

Пока он что-то бормотал, наклонившись, Элис немного успокоилась. Она не видела жестокого выражения его глаз.

Он схватил Кору так быстро, что малышка проснулась и испуганно закричала. Элис вскочила с кресла.

– Она выглядит вполне здоровой.

– Да. Она само совершенство. Пожалуйста, сейчас я ее успокою. Дай-ка мне...

Он повернулся и шагнул к лестнице. Элис бросилась за ним, цепь, звякнув по цементу, натянулась.

– Куда ты? Куда ты несешь ее?

Обезумев, Элис прыгнула ему на спину; он стряхнул ее, как муху, и стал подниматься по ступенькам. Остановившись наверху, оглянулся на Элис, тщетно дергавшую за цепь.

– От дочерей никакого толку. Кто-нибудь захочет ее взять и заплатит хорошие деньги.

– Нет-нет, пожалуйста. Я буду заботиться о ней. Она не доставит хлопот. Не забирай ее. Не обижай ее.

– Она моя кровинка, я не причиню ей вреда. Но дочери мне не нужны. Лучше бы ты родила мне сына, Эстер. Лучше бы ты это сделала.

Элис дергала за цепь, пока не содрала кожу до крови, и кричала так, что сорвала голос.

Когда она упала на цементный пол, рыдая от беспросветного отчаяния, осознав, что больше никогда не увидит свою дочку, в этот момент она окончательно сломалась.

Глава четвертая

Наши дни

После добавления писательской конференции и «Феерии снежной скульптуры» (уже шло бронирование), а также различных праздничных мероприятий вплоть до Дня святого Валентина, нацеленных на повышение интереса к комплексу, Бодин просматривала резюме и рекомендации, присланные менеджерами.

Она отмечала понравившихся ей претендентов: недавняя выпускница колледжа ищет должность в гостиничном бизнесе; женщина с опытом ведения домашнего хозяйства, у которой «опустело гнездо» – уехали дети; молодой берейтор ищет работу на полный день или почасовую; пара заявок на официантов; массажистка-терапевт с опытом работы.

Она просмотрела еще несколько резюме, взвешивая приоритеты.

Им нужна сотрудница, ведающая хозяйственными делами, потому что Эдда, жена Эйба, оголит это место, когда они уедут в Аризону. А претендентка выглядит солидно. Еще им определенно нужны второй конюх и официант.

Она задержалась на выпускнице колледжа, которая, кажется, была готова на любую работу, какую дадут. С солидное резюме, хорошие оценки, местная девочка.

Вооружившись органайзером, Бодин пошла искать Джессику.

Та оказалась в «Дайнинг-холле» – что-то обсуждала с управляющим рестораном.

– Замечательно. Вы-то мне и нужны. Джейк, я посмотрела твою заявку на двух официантов.

– Кэрри-Энн их одобрила, – сообщил он, имея в виду их востроглазую двенадцатилетнюю официантку.

– Понятно. Если хочешь их нанять, я согласна. Даю тебе время до праздничного бронирования, чтобы ты мог убедиться, подходят ли они.

– Хорошо. Мы договорились, Джессика?

– В общем, то же самое. Я думаю, это мероприятие побьет все рекорды. Это здорово, Джейк.

– Еще бы. На этой неделе начну подготовку.

Когда он ушел, Бодин повернулась к Джессике:

– Не хочешь взять себе помощницу?

– У меня уже есть Уилл. – В холодных голубых глазах сверкнула паника. – Неужели ты собралась его уволить?

– Нет, я намерена взять еще одну сотрудницу. С прицелом на будущее. Она племянница маминой подруги, – продолжала Бодин, – но у нее хорошая квалификация. В колледже изучала гостиничное дело, потом работала в отеле в Биллингсе. В прошлом месяце ее мать заболела, и она вернулась домой. Теперь девочка хочет найти работу поближе к дому. Она молоденькая, но у нее прекрасные рекомендации. Она мне понравилась. По-моему, ты сумеешь обучить ее всему, что нам нужно.

– Ты босс, тебе и решать.

– Ну, честно говоря, я намерена ее нанять в любом случае. Но если ты не захочешь взять ее к себе, когда посмотришь резюме, я пристрою ее в спортивный или финансовый сектор.

– Давай я взгляну на ее резюме. – Джессика взяла листок у Бодин. – И пусть она придет ко мне.

– Договорились. Дай мне знать, когда ей прийти, и поскорее.

– Ладно. – Положив листок, Джессика прижала его планшетом. – Ты говорила с Рори?

– Только за завтраком. А что?

– Мы получили две заявки на участие в «Феерии снежной скульптуры».

– Уже? Анонс вывесили на сайте только сегодня утром.

– Вот так. – С лукавой улыбкой Джессика взмахнула бутылкой воды, словно только что произнесла тост.

Бодин заглянула в свой органайзер, умещавшийся на ладони.

– Похоже, мне придется набрать больше персонала на зиму. Можно тебя спросить?

– Конечно.

– Почему ты каждый день на каблуках, хотя все время бегаешь и почти не сидишь на месте? Во всяком случае, больше бегаешь, чем сидишь, – поправилась она. – Ведь ноги к концу дня наверняка болят.

Джессика вскинула брови, а ее взгляд устремился на сапожки Бодин.

– А ты почему носишь каждый день шикарные сапожки? Какие мы, Бодин, такие и наши вещи.

Бодин тоже взглянула на свои дымчато-серые короткие сапожки «Динго» с рядами пряжек. Да, шикарные.

– Я – это мои сапожки.

– А твои ливайсы, а часто – как сегодня – еще и жилет. Я восхищена твоей коллекцией классных жилетов.

Бодин удивленно одернула край жилета в тонкую полоску – синюю и зеленую. Значит, его можно считать классным.

– Это мой компромисс между костюмом и простыми джинсами.

– На тебе неплохо смотрится.

– Ну ладно. – Бодин тряхнула головой, ее волосы были заплетены на этот раз в длинную косу. – Сейчас я пойду в шикарных сапожках и классной жилетке к Эйбу и поговорю с ним. У меня есть один кандидат для него, а другой для Дзен-Тауна. – Она пошла к двери, но оглянулась. – И все же я зарыдала бы через два часа в таких туфлях, как у тебя.

– Не верю. Ты волевая девушка.

– Мысленно, – уточнила Бодин. – Мысленно бы зарыдала.

В офисе она взяла куртку и шляпу. Согласно ее расписанию, Эйб должен был заканчивать уроки верховой езды в манеже.

Усевшись в свой пикап, она проехала десять минут по извилистой дороге и вскоре уже вошла в большой манеж, где пахло лошадьми и слышалось нервное хихиканье.

– Неплохо, Деб, совсем неплохо. Пятки вниз, Джим. Вот так.

Хмурясь, Бодин подошла ближе и увидела, что урок вел Коллен, а не Эйб.

Пара новичков, сомнений не было, но Коллен умело наставлял их.

Он отлично держится в седле, подумала она. Сидит так же непринужденно, как другие сидят в кресле.

Новичкам он нашел пару надежных лошадок – хотя гнедой по кличке Бифф был ленивым, как подросток летним утром. Он нехотя тащился под наездником, а нервно хихикавшая дама ехала на послушной Мэйбел.

– Вы готовы еще раз прокатиться рысью? – спросил Коллен.

– О да, пожалуй. – Женщина посмотрела через арену на Джима.

– Пожалуй, да?

– Давайте.

– Скажите им, чего вы хотите, – посоветовал Коллен.

Зады учеников жестко бились о кожаные седла, Бодин даже поморщилась, но оба ученика сумели проехать круг легкой рысью.

– Так, теперь поменяйтесь местами и сделайте круг в обратную сторону. Вы уже научились. Джим, надо подогнать гнедого, он стоит, а не бежит. Да, вот так.

Свою лошадь – роскошного буланого мерина, которого Бодин не узнала, – Коллен водил по узкому кругу, чтобы видеть обоих наездников. Заметив Бодин, он дотронулся рукой до шляпы.

– Вы готовы попробовать легкий галоп? Локти вниз, Деб, – наставлял он, когда начинающие наездники снова смущенно засмеялись. – У тебя все получится. Покажи лошади, что тебе нужно от нее.

– Я чутьточку... ладно. – Крепко сжав губы, Деб качнулась в седле и взвизгнула, когда кобыла плавно перешла на легкий галоп. – О господи! У меня получилось, Джим!

– Вижу, детка. Мы скачем галопом!

Они сделали два круга, и хотя женщина раскачивалась в седле взад-вперед как метроном, на ее лице появилась широкая улыбка.

– Теперь сдержите их, вот так, и переходите на шаг. Вы все сделали великолепно.

– Можно еще раз? Время вышло, – сказал Джим, бросив взгляд на часы. – Но...

– Ну еще круг.

– *И-и-хоу!* – крикнул он и с энтузиазмом заставил Биффа неохотно проскакать еще круг.

Схватив подставку для посадки на лошадь, Бодин пошла по мягкому покрытию манежа. Коллен спешился и протянул руку к своему буланому мерину, который задрал губу. Потом выпрямился, закинув через плечо поводья.

Слегка запыхавшаяся, немного смущенная, Деб с сияющей улыбкой посмотрела на Коллена.

– Джим подкупил меня парой сапожек, которые я присмотрела тут, в вашем комплексе. Я и не представляла, насколько это увлекательно! Как мне спешиться?

Коллен засмеялся и взял лошадь под уздцы.

– Надо просто перекинуть ногу и соскользнуть вниз. Тут приготовлена подставка.

Неуклюжая, но игривая, Деб встала на подставку и, спускаясь с нее, улыбнулась Бодин.

– Привет! Ты работаешь у Кола?

– Это наш босс, – сообщил ей Коллен. – Мы все работаем у нее.

– О! Приятно познакомиться. – Деб протянула руку. – Мы чудесно проводим здесь время, правда, Джим? Я никогда в жизни не сидела на лошади, а теперь умею ездить... Как это называется, Кол?

– Галопом.

– Да-да. О, у меня все будет болеть неделю, но мне все равно не терпится это повторить. Поедем на конную прогулку, Джим.

– Запишите нас. – Джим спешился чуть более грациозно, чем его спутница. – Впрочем, я сам запишусь. У меня в мобильном есть ваше приложение. Чертовски хорошая идея. Джим Олстер.

– Бодин Лонгбоу.

– О, даже фамилия совершенно в духе Монтаны. Мне тут нравится. Мы приехали сюда только вчера, и мне нравится. Ты снимешь нас? Не возражаешь? – Деб достала телефон. – Меня, Джима и Кола. И лошадей. Мне нравится твоя шляпа. Теперь я тоже должна купить шляпу. Мне нравится этот стиль – плоские поля. Джим, мы купим то, что хотели, а потом отпразднуем наши успехи в «Салуне». Я ездила на лошади!

Бодин сделала несколько снимков. На последнем Деб прижалась щекой к морде кобылы.

Когда они ушли, причем Деб все еще болтала, Бодин отвела кобылу к барьеру, чтобы снять седло.

– Вот пара довольных клиентов.

– Видно, она очень хотела получить те сапожки. Когда они пришли, у нее даже руки дрожали от страха.

– У нас и в самом деле продаются красивые сапожки. Где же Эйб? Сейчас он в расписании. Олстер к нему записывался.

– Ах, господи. – Коллен повесил седло на барьер. – Ведь ты еще не слышала. У его жены начались боли в груди и...

– У Эдды? Боли в груди? Что случилось, где она? – Обрушив на Коллена град вопросов, Бодин схватила за телефон.

– Успокойся. Во время урока я получил от него сообщение. Похоже, у нее был небольшой сердечный приступ.

У Бодин тоже чуть не случился инфаркт.

– Как это – небольшой?

– Слабо выраженный – вот что я понял. Ее пока оставили в больнице, но состояние стабильное. Я стоял рядом, когда ему позвонили. Она была где-то – у нее выходной, верно? – с подругами, и у нее начались боли в груди. Я сказал ему, чтобы он шел к ней и что я его заменю.

– Я признательна тебе, правда, но кто-то должен был мне позвонить.

– Эйб был немного растерян – он молнией помчался к жене. А я был немного занят – принимал меры, чтобы клиентка не упала от страха в обморок.

– Ты все сделал верно. – Стараясь успокоиться, Бодин сняла шляпу и, прижав ее к бедру, расхаживала туда-сюда. – Просто мне... я хочу знать детали. Значит, состояние стабильное? Точно?

– Эйб так сообщил – вот, цитирую: «Она мяукает, что хочет домой. Но ее оставят на ночь, обследуют».

– Как обследуют? Хотя откуда тебе знать? – сказала она, прежде чем он успел ответить. – Я заеду туда. Заеду и посмотрю, что происходит, потом позвоню ему. – Чуть успокоившись, она снова надела шляпу. – Что еще сегодня у Эйба?

– Скоро конная прогулка, – ответил Коллен, прежде чем Бодин достала органайзер. – Ее может провести Кэрл. А в четыре еженедельный урок.

– У Лесси Силк, ей двенадцать. Я могу сама его провести.

– Я проведу, – заверил он. – Чейз знает, где я.

– Отлично. Ладно, я возьму еще одного помощника. У меня есть кандидат на это место. Я собиралась поговорить с Эйбом, но теперь просто позвоню кандидату и скажу, чтобы он пришел. Если он не идиот, мы возьмем его.

Итак, она свяжется с Эйбом, узнает о состоянии Эдды. Позвонит кандидату, назначит собеседование, а поскольку Эдда отвечала за административно-хозяйственный сектор, то сама составит расписание, ведь Эдда не выйдет на работу, пока врачи не позволят.

– Что, все продумала? – спросил Коллен.

– Да-да, минутку. Слабо выраженный, говоришь?

– Так сообщил Эйб, все равно что «состояние стабильное».

– Хорошо. – Бодин шумно выдохнула, чтобы успокоиться. – Что за красавец? – Она погладила по шее незнакомого буланого мерина.

– Это Сандаун. Моя лучшая половина. Сандаун, познакомься с Бодин.

Коллен ткнул пальцем вниз, и конь подогнул передние ноги и поклонился.

– Ой, неужели ты такой умный?

– Умнее этого красавца я в жизни лошади не встречал, черт побери. – Коллен похлопал Бодин по плечу. Сандаун вытянул шею и положил голову туда, где показал Коллен.

Засмеявшись, Бодин обняла его за шею.

– Давно он у тебя?

– С самого рождения в конце дня, на закате¹, четыре года назад, в мае. Я в промежутках между съемками помогал другу, и его кобыла произвела на свет вот это чудо. Любовь с первого взгляда. Я купил его сразу, и когда его отняли от матери и сделали все, что надо, он отправился со мной. – Коллен надежно привязал поводья к луке седла. – Хочешь похвастаться, Сандаун?

Мотнув головой, мерин выбежал на середину манежа.

– Гремучая змея!

После этих слов Сандаун встал на дыбы и взмахнул в воздухе копытами.

– Предатель!

Встав на передние ноги, Сандаун высоко вскинул задние и лягнул воздух.

– До-си-до.

Конь затанцевал – двинулся влево, потом, повернув круп, вправо.

– Хорошая лошадка.

Удивленная и восхищенная, Бодин смотрела, как глаза буланого блеснули, и он подошел к Бодин, словно подражая важной мужской походке.

– Поцелуй девушку.

Сандаун наклонил голову и потерся выпяченными губами о щеку Бодин.

– Ах ты, обольститель, – сказала Бодин и поцеловала буланого в щеку. – Ты дрессировал его, Коллен? Ты всегда делал что-то необычное, но это вообще чудо.

– Кое-какие советы я получил от специалистов по время моих скитаний, но тут я работаю с талантом. С уникальным талантом.

– Ты занимался джигитовкой? Когда-то ведь ты что-то делал.

В быстрой усмешке Коллена, по мнению Бодин, была изрядная доза флирта.

– Хочешь покажу?

– Я вот думаю, как нам приманить побольше семей, побольше детей в выходные, особенно летом. Небольшое шоу в загоне возле спорткомплекса, красивая верховая езда, а под конец трюки, которые умеет Сандаун? Они слопают это как мороженое.

– Пожалуй.

– Скажем, выступление на полчаса, а еще полчаса мы позволим детям задавать вопросы, гладить лошадь. Ты получишь за это отдельную плату. Если хочешь, подумай над этим. А я посмотрю, куда это лучше всего встроить.

Сандаун ткнул Коллена мордой в плечо, словно говоря: «Я согласен!»

– Я подумаю.

– Хорошо, тогда мы и поговорим. Тебе нужна помощь с лошадьми?

– Я сам вполне справлюсь.

– Тогда мне надо возвращаться. – Она направились было к выходу, но тут же вернулась и сказала: – Ты хороший учитель, Скиннер. Терпеливый. Никогда бы не подумала.

– Я некоторое время вырабатывал у себя этот навык.

– Вероятно, долго.

Когда Бодин повернулась к нему спиной и шла к выходу, Коллен любовался ее длинными ногами, пока она не скрылась из вида.

– Терпение – это еще не все, – сказал он своему мерину. – Может, в следующий раз я сам поцелую эту девушку.

Сандаун издал звук, который любой услышавший его принял бы за смех.

Бодин втиснула все, что только могла, в остаток дня и в следующее утро.

¹ Sundown – заход, закат солнца (англ.).

Она звонила, назначала встречи. Закрыв дверь своего кабинета (что бывало крайне редко), она обеспечила себе возможность спокойной, без помех, работы, чтобы изменить расписание и прикрыть отсутствие Эдды и Эйба хотя бы на несколько дней.

Ее порадовало и успокоило, что не жаловалась ни единая душа, которую она направила на другое место.

Попросив на кухне «Дайнинг-холла» контейнер с куриным супом, она поехала навестить Эйба и Эдду. Сама разогрела суп, чтобы убедиться, что они его съедят, а в это время Эдда повторяла, что с ней все в порядке.

Когда Бодин вернулась домой – снова пропустив ужин, – она достала из духовки свиные отбивные и села за стол, поставив перед собой органайзер, чтобы в последний раз просмотреть резюме тех, кого собиралась нанять.

Одной рукой она ела, другой нажимала клавиши. Когда в кухню вошла мать, Бодин только-только успела набить рот. Она подняла голову.

– М-м-м, – промычала Бодин.

– Я слышала, как ты вошла. Деточка, тебе не нужно так много работать все время.

Бодин, прожевав, проглотила мясо.

– Все летит к чертям. А я исправляю.

– Как всегда. Я только что говорила по телефону с Эддой. У нее немного усталый голос и в нем слышится робость. Думаю, что скоро тоже глотну этого вина. Она сказала мне, ты приезжала с супом и подогрела его для них. – Проходя мимо, Морин остановилась и поцеловала Бодин в макушку. – Ты моя добрая девочка.

– Она напугала меня. Всегда ведь казалась такой сильной. Операция ей не потребуется, но придется принимать лекарства. И изменить образ жизни – диета, упражнения...

– Мы проследим, чтобы она лучше заботилась о своем здоровье. – Присев к столу, Морин налила себе вина и добавила немного в дочкин бокал. – Между прочим, это и тебя касается. Больше сна, регулярное питание. Мы с мамой – и твой отец – создали «Бодин резорт» не для того, чтобы ты работала дни и ночи.

– Особые обстоятельства.

– Разве они не всегда у тебя особые? – ласково спросила Морин.

– Нет, правда. Но я сейчас все делаю, чтобы выправить положение. Завтра ко мне на собеседование придут пятеро – видишь, как быстро я работаю. А послезавтра еще один кандидат.

– Шесть человек? Джесси упомянула, что завтра будет говорить с Челси. И я должна сказать тебе кое-что, – добавила Морин.

– Знаю, она племянница Джейн Ли Паккет, и знаю, что ты давно знакома с миссис Паккет.

– Более того – Джейн Ли была мне как сестра, когда моя родная... когда моя родная сестра убежала из дома на следующий день после моей свадьбы, разбив сердце нашей матери. – Морин сделала большой глоток вина и тяжело вздохнула. – Она просто член нашей семьи. Я не буду напоминать, что она меняла тебе пеленки, и Чейзу, и Рори, а я меняла их ее детям. Семья есть семья, и это много для меня значит.

– Конечно, ма.

Морин направила на дочь взгляд – такой, который мог подавить и подавлял всякий протест, любые объяснения или отговорки.

– Я еще не все сказала. Челси умная, собранная, с хорошими манерами. Она отказалась от престижной работы, чтобы вернуться домой, когда потребовалась ее помощь. Это говорит о многом. И мне кажется, ты сгруппишь, если не возьмешь ее. – Она выставила вперед руку, прежде чем Бодин успела что-то произнести. – Тебе решать. Мы сделали тебя главным менеджером, поскольку ты сама умная, организованная и тоже с хорошими манерами. И ты не только хотела этого, ты старалась. Вот что я хотела тебе сказать.

– По-моему, важно, чтобы Джессика побеседовала с ней; она говорит серьезные вещи всем, кого мы берем к ней в подчинение.

– Вот почему ты у нас главная. Потому что ты права насчет этого. Я думаю, Джессика неглупа и оценит Челси по достоинству. Еще пятеро?

– Официант, хозяйственник, берейтор и массажистка. Нам сейчас не очень нужна массажистка в Дзен-Таун, но у нее будет время, чтобы познакомиться с нашими порядками. Мне понравилось ее резюме. Другие же нам действительно нужны, особенно для хозяйственных дел и работы с лошадьми. Вообще, мне необходим еще один квалифицированный инструктор в манеж, поскольку Эйб некоторое время будет занят лечением Эдды, сейчас это самое главное. Я могу попросить Мэдди приходить один или два раза в неделю, просто на занятия, но боюсь, для нее это будет лишняя нагрузка.

– Попробуй раз в неделю и строго предупреди, что прогонишь ее, если она будет слишком напрягаться или сядет на лошадь.

– Это хорошее решение. – Бодин и сама бы додумалась, если бы ее голова не была так перегружена за день. – Сегодня Коллен опять взял на себя занятия Эйба. Вчера я пришла в конце урока и удивилась, как хорошо он его вел. Никогда не думала, что из него выйдет учитель.

– Скрытые достоинства? – улыбнулась Морин. – Он никогда не был хулиганом и бузотером, как хотелось думать некоторым. Впрочем, и сам Кол порой считал именно так.

– Пожалуй. Но меня больше поразил его конь – молодой буланный мерин. Он умеет делать трюки.

– Мне говорили об этом, но я хотела бы увидеть собственными глазами.

– Я попросила его подумать насчет выступлений в загоне возле спорткомплекса. Такие номера понравятся взрослым, а дети вообще будут в восторге.

– У тебя всегда есть новые идеи, Бо.

– Вот почему я босс.

На следующее утро ровно в девять Бодин встретила с претенденткой на должность в хозяйственном секторе. Ей понравилась кандидатка, и она вызвала сотрудницу этого сектора, чтобы она устроила женщине экскурсию по территории и показала какой-нибудь пустующий домик.

– Потом Бет приведет вас назад, вы зайдете ко мне, Ивонна, и сообщите ваше мнение о такой работе.

Бодин перебралась из своего кабинета в «Дайнинг-холл», где ее менеджер беседовала с парнем. Тот выглядел моложе двадцати двух лет, указанных в резюме. На парне была белая рубашка и галстук-ленточка, туго затянутый пониже нервно прыгавшего кадыка.

Их самая опытная официантка сидела напротив парня, скрестив руки и прищулив глаза.

– Мы тут работаем по нашим правилам, вот так. Столы обслуживать не надо. Не торопясь, ты накрываешь стол, добавляешь приправы. Вот чего нельзя делать, так это филонить.

– Я старательный, мэм.

– Может, да, а может, и нет. Лентяям я сразу указываю на дверь. Почему ты хочешь тут работать?

– Мне нужна хорошая работа, мэм, чтобы накопить денег и продолжить учебу. Я хочу закончить колледж и получить степень.

– Почему ты сейчас не учишься в колледже?

Он слегка смутился, и его лицо сделалось розовым под соломенными волосами.

– Мои родители помогали мне сколько могли, и я работал в кафе «Бигсби» – об этом написано в резюме. Учиться дорого, и я должен работать и копить деньги, чтобы вернуться в колледж. «Бодин резорт» – хорошее место и ближе к дому, чем Миссула.

- Бодин увидела, что Кэрри-Энн смягчилась, но явно не очень верила бедному мальчишке.
- Ты нормально учился?
 - О да, мэм.
 - И чему же?
 - В основном преподаванию. Я хочу быть учителем. Младших классов. Я... – Он покраснел еще сильнее. – Я хочу помогать молодым умам формироваться и получать информацию.
 - Правда?
 - Да, мэм.
- Кэрри-Энн шумно выдохнула и бросила взгляд на Бодин.
- Сейчас я отведу тебя в «Торбу» и покажу, что надо делать. Если увижу, что ты не идиот, то отправлю сюда поговорить с Сильвией насчет необходимых бумаг.
 - Хм... я... Вы берете меня?
 - Если ты не окажешься идиотом. Надень куртку. На улице холодно.
- Она встала, подошла к Бодин.
- Он ничего, нормальный.
 - Я скажу Сильвии, чтобы все приготовила к его оформлению.
- Вскоре Бодин столкнулась с Джессикой.
- Бо, прекрасно. Я хочу представить тебе Челси.
 - Мы знакомы, – сказала Челси.
- Бодин посмотрела на красивую брюнетку с глазами как у куклы.
- Прости, я не помню. Но я знаю твою тетю и дядю.
 - Я праздновала тут день рождения, когда мне исполнилось тринадцать. Ты возила нас на конную прогулку. После той прогулки я впервые поцеловалась с мальчиком и подумала, что выйду за него замуж и у нас будет шестеро детей. Вот так это и осталось в моей памяти.
 - Что случилось с тем мальчиком?
 - Оказалось, он просто любил целоваться с девочками, и я в мои тринадцать лет не понимала этого и не одобряла.
 - Что ж, я рада снова тебя видеть.
 - Бодин. – Джессика обняла Челси за плечи. – Мне она понравилась. Я хочу поработать с ней вместе.
 - Думаю, не потому, что ты любишь целоваться с девочками. Итак, мы берем тебя к нам, Челси.
 - Спасибо вам обоим. Обратите внимание, что я не прыгаю и не пишу от радости, и это демонстрирует мою зрелость и умение себя вести. Но в душе я делаю именно это. О! Дело пошло!
- Бодин засмеялась. Челси добавила:
- Мне и в самом деле хочется тут работать. Я думаю, что хорошо справлюсь и буду относиться к делу творчески.
- Челси замолчала, когда к ним подошел Рори вместе с незнакомым парнем.
- Похоже, тут заседание клуба красивых девушек, – сказал Рори.
 - Мой брат Рори – менеджер по продажам и маркетингу. Это Челси Вассерман.
 - Ты племянница Джейн Ли. – Рори протянул руку. – Она часто говорила, какая ты красива, но я думал, любящая тетка просто преувеличивала.
 - Челси будет работать помощником по организации мероприятий, – сообщила ему Джессика. – Так что ты часто будешь с ней видеться.
 - Рад это слышать. О, Бо, это Иса Лафой. Сол сказал, ты назначила с ним встречу на десять часов.
 - Да, верно.

– Просто я пришел чуть раньше и с радостью подожду где-нибудь, пока вы не освободитесь.

Он ненамного старше, чем новый официант, подумала Бодин, но совершенно не смущается и не нервничает. Взгляд его карих, с зеленоватым оттенком глаз был прямым и почти-тельным.

– Не нужно. Пойдем ко мне.

Он начистил до блеска свои немного поношенные сапоги. Еще на нем были чистые джинсы и клетчатая рубашка в стиле вестерн, джинсовая куртка на флисовой подкладке и черная шляпа с заломом на тулье. Он вежливо снял шляпу и положил на колени, когда сел в предложенное ему кресло.

– Так, Иса, значит, ты из Гарнета.

– Да, как мой отец и его отец. Все обычно зовут меня Изи, мисс Лонгбоу.

– Изи. Ты проделал долгий путь.

– Да. Иногда участвовал в родео, подрабатывал на разных ранчо. Я написал об этом в резюме, чтобы было понятно: я умею работать и обращаться с лошадьми.

– Почему ты ушел из родео?

– Дело в том, что я не мог себе этого позволить. Это дорогостоящее занятие, если нет регулярного заработка, и у меня было несколько серьезных неудач. К тому же мой отец уже немолод, и я понял, что, если со мной что-то случится, ему некому будет помочь. У нас несколько акров земли к югу от Гарнета. Он гордится этим и много работает, но через несколько лет, возможно, у него уже не будет сил.

– В зимний сезон работа у нас бывает не всегда. Возможно, у тебя не наберется сорок часов в неделю.

– Я понимаю, согласен.

– У тебя есть своя лошадь?

– Сейчас нет: мне пришлось ее продать. Если хотите, я могу взять у вас.

Он улыбнулся, сказав это, – обаятельно и обезоруживающе, – обнажив отколотый левый резец.

У него хорошее лицо, подумала Бодин. Чуть жесткое, чуть обветренное, как у ковбоев, которые проводят долгие часы в седле под солнцем и ветром. Его руки спокойно держали шляпу. Бодин разглядела на них мозоли – такие бывают при работе с лошадьми.

Она уже проверила его резюме, и он говорил правду. Среднюю школу Изи не окончил, но, как он утверждал, а резюме об этом свидетельствовало, лошадей он знал.

– Тебе и не нужно иметь собственную лошадь. У нас есть лошади, а весной мы купим еще. Ты когда-нибудь давал уроки верховой езды?

Он открыл было рот, но тут же закрыл. Помолчав, продолжил:

– Я хочу получить работу, поэтому мне трудно ответить «нет». Не могу сказать, что часто показывал кому-то, как ездить верхом. Я учил одну девушку, с которой познакомился в Аби-лине, но это было лишь ради забавы. Большинство тех, с кем я общался, умели ездить на лошадях.

Поговорив с ним, Бодин не могла бы назвать его самой яркой лампочкой в люстре, но он понравился ей, потому что был вежливым, искренним и приветливым.

А она находилась в безвыходной ситуации.

– У нас требуется не только ухаживать за снаряжением и лошадьми, кормить их, делать груминг. Мы обслуживаем отдыхающих, а некоторые из них вообще никогда не сидели в седле или сидели очень давно. У нас популярны верховые прогулки, и тот, кто их проводит, должен знать, как подобрать для гостя подходящую лошадь, как следить во время прогулки, чтобы гость, который не отличит лошадь от жирафа, не упал и не получил травму и чтобы ему понравилась прогулка.

– Лошадей проще понять, чем людей, но люди, по-моему, не такие упрямые, если уделять им внимание.

– Не стану спорить. Давай пойдем в манеж, ты посмотришь, как там все устроено, и мы встретимся с нашим главным конюхом.

– С удовольствием. – Он встал.

Глава пятая

Бодин сумела вовремя вернуться домой к ужину, избежав гнева Клементины, и долго рассказывала домашним, пока они ели, о новых назначениях.

– Ты много дел провернула за один день, – заметил Сэм, потягивая свой вечерний, на два пальца, виски.

– Еще одна женщина придет завтра, но каждый новичок хотел получить работу, хорошо представился и прошел проверку у менеджеров. – Она посмотрела на Чейза. – Раз Эйба не было, я попросила Коллена оценить Лафоя.

– Он знает, на что обратить внимание.

– Лафой. – Сэм задумчиво нахмурился. – По-моему, я тут никого не знаю с такой фамилией.

– Он из Гарнета.

– Не могу понять, что за фамилия.

– Ну, мы посмотрим, как он работает, а пока я оставила его с Колленом. Сама тоже присмотрелась к нему. Как он держится, как обращается с лошадьми, разговаривает с Колленом и Беном – тогда работал Бен. Уходя, я попросила Коллена дать мне знать, если у него появятся сомнения. Поскольку он ничего не сказал, я взяла Лафоя. Еще я последовала твоему совету, ма, и поговорила с Мэдди насчет еженедельных занятий.

– Думаю, это правильное решение. И я очень рада, что тебе понравилась Челси. Она для нас просто подарок, вспомнишь мои слова.

– Мне она понравилась, Джесси тоже. И еще мне понравилось, что она ходила с Джесси пару часов и даже промочила ноги. Проявила инициативу.

– Ты говорила нам, что у миссис Паккет умная племянница, – вмешался Рори. – Но ты не сказала, что она супер. Просто секс-бомба.

– Остынь, юноша, – пробормотала Бодин, а Морин погрозила сыну пальцем.

– Оставь при себе свое обаяние и не распускай руки, Рори Картер Лонгбоу.

– Но я просто не мог сдержаться.

– В амбаре у меня найдется достаточно веревок, чтобы связать кое-кого, если понадобится. – Чейз закончил ужин черным кофе. – Да, хочу всем сообщить, что сегодня вечером я говорил с Эйбом.

– Как там Эдда? – спросила Бодин.

– У нее все нормально, но вся эта история напугала Эйба. Он подумывает навестить вместе с ней сына и его семью в День благодарения и пожить у него недельку. А еще хочет на Рождество провести пару недель у дочки.

– Мне он ничего не сказал, – заметила Бодин.

– Дай мне договорить. Похоже, на этом настаивают их дети, к тому же Эйб не сомневается, что, если он вернется на работу, все повторится. Он просто не знает, как ее остановить. Он хочет, чтобы она сначала хорошо отдохнула, тогда поездка в Аризону пойдет ей на пользу.

– Я могу это понять, но...

– Он пришел ко мне до того, как идти к тебе, – с невозмутимой настойчивостью парового катка продолжал Чейз, – поскольку хотел узнать, согласен ли я с тем, что ты назначила на его место Кола. Ведь мы наняли Кола для работы на ранчо, а тут работа с полной занятостью до весны, значит, он не будет работать в разных местах, на подхвате то тут, то там.

– Да, но...

Чейз поднял палец, и Бодин возмущенно закатила глаза.

– Вот что я ему ответил: Кол для нас просто подарок. Но в сложившейся ситуации для комплекса его помощь будет еще более ценной, так что – и папа согласен с этим – мы позво-

лили вам взять его на зиму, если все сложится нормально. Конечно, при условии, что сам Кол согласен, ведь он нанимался на ранчо.

Бодин подождала, выдержав паузу.

– У тебя все?

– Угу.

– Тогда можно я скажу?

Чейз пожал плечами:

– По-моему, ты вынесешь вердикт потом. Если мы скажем: нет, мы оставляем Кола здесь, – так и будет. Если Кол скажет: нет, благодарю, вы наняли меня для этой работы, а не для той, – то же самое. Так что ты сообщишь нам свое мнение после того, как мы уладим этот вопрос.

Бодин забарабанила пальцами по столу.

– А что сказал об этом Кол?

– Еще не знаю, ведь я только поговорил с Эйбом, а потом меня позвали ужинать. Я собираюсь заглянуть к нему утром.

– Я тоже загляну, но все равно спасибо.

– Ладно, согласен. Только я не понимаю, зачем тебе это надо.

В ответ Бодин наградила его своей самой обаятельной – и грозной – улыбкой:

– Сейчас объясню. Эйб должен был прийти ко мне, поскольку просил меня сохранить с ноября по апрель две ключевые должности. Это раз. Он должен был прийти ко мне и обсудить, готова ли я взять Коллена Скиннера главным конюхом до апреля – и ты должен был сказать ему об этом. Когда я приму решение, если я вообще это сделаю, то приду к вам с папой и спрошу, можете ли вы отпустить Кола на этот срок. Если вы дадите добро, я спрошу у Коллена, согласен ли он.

Чейз снова пожал плечами:

– Похоже, мы пришли к одному и тому же и, может, даже чуть быстрее.

– Быстрее или нет – не так важно. – Разочарованная и чуточку обиженная, Бодин взмахнула руками. – Ранчо и комплекс – разные субъекты хозяйственной деятельности. Это было разумное и практичное решение, когда бабушка решила расширить ранчо и принимать туристов. Оно предполагало соответствующее оформление, оплату труда работников, штатное расписание, контракт.

– Это и так приходится делать, – возразил Чейз.

– Ах, Бо просто разозлилась, потому что Эйб пришел к тебе, а не к ней.

Морин направила холодный взгляд на сына:

– И она права. Вас, мужчин, за этим столом больше, но это не значит, что решающее слово за вами. Что правильно, то правильно. Эйб должен был прийти к своему боссу, а для него это Бо. Я склонна объяснить такую ошибку его стрессом и беспокойством за Эдду. Бодин, надеюсь, ты поймешь его и не станешь сердиться.

Гнев Бодин постепенно проходил.

– Хорошо. Я понимаю. Но...

– Ты правильно сказала: ранчо и комплекс – отдельные объекты. – Сэм по-прежнему потягивал виски. – Ваша бабка умная и понимала еще тогда, что ваши дяди не станут тут работать. Такое большое ранчо требует постоянного внимания, и никто из ее сыновей или дочерей, – добавил он, взглянув на жену, – не проявлял к этому интереса. Вот она и решила выделить часть территории для туристов, чтобы посмотреть, что из этого получится и поможет ли это сохранить основное хозяйство.

Он помолчал и сделал глоточек виски. Никто из сидевших за столом и не думал его перебивать.

– Потом, когда я пришел в семью, она посоветовалась со своей матерью и с вашей, и они затеяли большие перемены. Конечно, в этой семье умные, дальновидные женщины, и в результате у нас теперь есть два коммерческих предприятия, которые обеспечивают нам комфортную жизнь в комфортном месте. Ваш дед, надо сказать, тоже сыграл в этом роль. Но это не просто коммерческие предприятия, давайте же не забывать об этом.

– Нет, сэр, – сказала Бодин. – Я и не забываю.

– Знаю, что не забываешь, хотя бывают времена, когда мне жалко, что я не вижу тебя тут, возле загонов, на скотном дворе и в амбарах. Мне не хватает тебя.

– Папа...

– Но я все равно горжусь тобой. Вот только мы не должны забывать, и мы не забываем: все, что у нас есть, чего мы – начиная с вашей бабушки – добились, – это в первую очередь благодаря нашей дружной общине, можно сказать, большой семье, в которую входят и наши работники. Эйб тревожится за жену, всячески заботится о ней, хочет она этого или нет. Я знаю Эдду и не сомневаюсь – она стремится выйти на работу. И я не думаю, что он хотел проявить неуважение к тебе, Бодин, поговорив сначала с Чейзом.

– Конечно, нет, – согласилась Бодин, но метнула в Чейза испытующий взгляд.

– Я просто поговорил с человеком и вот теперь рассказал тебе, что да как. А ты сообщишь мне о своем решении.

– Ладно. – Она встала. – Сейчас я прогуляюсь и подумаю, как мне поступить.

Рори дождался, когда Бодин уйдет и окажется за пределами слышимости.

– Ой гос-с-споди, что за дела? Какие мы чувствительные. Да это просто... – Он осекся и поник под строгим взглядом матери.

– Ты не знаешь, каково это – работать в мире мужчин, будучи женщиной, вот и помолчи. А сейчас подумай над этим, пока будешь помогать Клементине убирать со стола.

– Да, мэм.

Через пять минут за столом остались только Чейз и отец.

– Я просто поговорил с человеком, – снова начал Чейз. – И я предложил ей, если он сам согласится, нашего лучшего спеца по лошадям, которого мы только что заполучили, на целых четыре месяца.

– Надо искать компромиссы, сынок. Женщины, бизнес, семья. Сплошные компромиссы. Давай выйдем на веранду, выкурим по сигаре и пожалуемся на женщин, ладно? Время от времени надо так делать – это успокаивает.

– Сейчас принесу куртку.

Кутаясь в шарф, Бодин быстро шла, прогоняя, стряхивая с себя злость и раздражение. Воздух был холодный и чистый. В небе цвета индиго мерцали бесчисленные звезды, словно крошечные лампочки. Среди них плыла луна, почти полная – круглый, белый корабль в спокойном море.

Бодин казалось, что она стремительно рассекает воздух, насыщенный запахами хвои, снега и животных. Ее уши улавливали мычание коров, крик совы. Вот промелькнула юркая тень амбарной кошки.

К ней примчались две веселые дворняжки, Клайд и Честер, они носились вокруг какое-то время, но потом, увидев, что она не в духе, убежали прочь на поиски других развлечений.

Вытряхнув из головы злость, Бодин переключилась на планирование своих ближайших шагов. Ей следовало поговорить с Эйбом и Эддой, а поскольку ее отец был прав насчет общины и семьи, требовалось прежде всего избавиться от своего недовольства. Но когда она это делает, ей все равно нужно дать всем понять: все дела комплекса «Бодин резорт» завязаны на ней.

Ей нужно назначить кого-то из хозяйственников исполняющим обязанности менеджера. С другой стороны, она и сама могла раз в неделю составлять расписание и решать текущие вопросы. Хотя их может оказаться очень много.

Еще ей надо проработать еще один план – на случай, если оба ключевых сотрудника примут решение выйти на пенсию и оставить работу.

При мысли об этом Бодин стало грустно. Эйб и Эдда работали с первых дней, когда бабушка приняла решение разделить ранчо и создать гостиничный комплекс, они прошли вместе с ее семьей через все перемены, трудности и победы.

При необходимости она, конечно, найдет подходящую замену. Но это будут уже чужие люди, не то что Эйб и Эдда, и почему-то при мысли об этом ей стало одиноко.

Сменив направление, она отправилась не в хижину, а к конюшне. Коллен подождет еще немного.

Подняв щеколду, Бодин открыла дверь, и ее тут же окутали запахи лошадей, сена, навоза, зерна, мазей и кожи.

Она шла по бетонному полу, и с обеих сторон высывались лошадиные головы. Увидев ее, некоторые приветственно ржали, но она продолжала идти туда, где кое-кто совершенно по особому смотрел на нее, ожидая.

– Привет. Ах ты, мой мальчик. – Она погладила морду Аппалуза, которого звала Лео за леопардовые пятна на белой шкуре.

Он ткнулся носом в ее плечо, глядя на нее милыми, удивительно голубыми глазами.

Мужчина скучает по своей девушке, подумала она. Лошадь тоже может скучать.

– Прости, что я редко прихожу к тебе, совсем тебя забросила. В последние недели...

Она покачала головой, зашла в денник, взяла щетку и стала чистить его бока.

– Никаких оправданий. Зачем они? Знаешь что? Завтра мы поедем на работу. Ты наве-стишь тамошних лошадей, и утром у нас получится хорошая, активная прогулка. А вечером снова отличная прогулка, когда мы вернемся домой. Я ведь тоже скучаю без тебя.

Она вынула из кармана морковку, и Лео схрумкал ее.

– Ты всегда помни об этом. Только никому не говори.

Пока он ел морковку, она прижалась лбом к его шее.

– Я все продумаю, правда? Я и так уже половину продумала. Мне все-таки хочется дать Чейзу пинка по заднице, но половину я уже продумала. – Она быстро похлопала Лео по морде. – Завтра утром увидимся. Пробежишься.

Ободренная мыслью об утренней конной прогулке, Бодин вышла из конюшни, погладив по дороге еще несколько лошадиных морд, и направилась к хижине.

Маленькая, простая, с остроконечной крышей и квадратными окнами, с трещинами в кедровых бревнах и маленькой террасой, хижина стояла на расстоянии броска камня от большого дома и на таком же удалении от барака.

Изначально она была построена для первых туристов. Несколько таких же домиков были рассеяны среди деревьев, их потом приспособили под склады, когда строился комплекс. Но хижину оставили для ночевки случайных гостей и как совершенно неофициальный домик для игр.

А теперь его занял Коллен Скиннер.

Дверной молоток в виде подковы украшал входную дверь, но Бодин постучала костяшками пальцев, глядя на поднимавшийся из трубы дым.

Коллен распахнул дверь и замер на фоне освещенного проема.

– Здорово, соседка, – сказал он.

– Здорово. У тебя есть минутка?

– У меня полно времени. Ты уже поела?

– Да, только что из-за стола. О... – Зайдя в дом, она увидела на столе тарелку. – Ты поешь. Я могу зайти и потом.

– Ничего-ничего, проходи. – Он закрыл за ней дверь. – Хочешь пива?

– Нет, я ничего не хочу.

Коллен вернулся к столу, взял пульт и выключил телевизор, где шел какой-то черно-белый фильм.

Жилая часть домика отделялась от кухни, и когда-то все здесь очень удачно оформила мать Бодин. Из кухни дверь вела в спальню и ванную, такую маленькую, что Бодин удивлялась, как Коллен ухитрялся мыться под душем, не обивая локти и колени о стенки.

– Присядешь?

– Ой, мне правда неловко, что я помешала тебе ужинать.

– Ты не помешаешь, если присядешь и поговоришь со мной, пока я буду есть. Сними куртку. Печка тут хорошая, греет неплохо.

Маленькая пузатая печка в углу комнаты делала свое дело, подумала Бодин, бросив куртку на спинку кресла.

Она села напротив Коллена за квадратный двухместный столик.

– Ты сам готовишь?

Он отрезал кусочек жареного стейка.

– Кое-что умею. Я мог поужинать в бараке, но тут у меня есть дела.

Возле него лежал планшет, теперь закрытый.

– Ты просто по-соседски зашла? – поинтересовался он.

– Да, именно так. Мне нравится твое соседство.

– Мне тоже.

– Ты не позвонил мне, не сказал, что Лафой никуда не годится, так что я его взяла на работу.

– Ты велела мне сообщить, если он не подходит, но у меня не было причин звонить. Он хорошо работал с лошадьми, знает, что к чему, вроде, слушал, когда я ему что-то говорил, нормально общался со всеми, когда мы проехали по территории. К нам подошла семейная пара с дошкольником. Он был с ними вежлив и любезен. Пожалуй, этим он мне и понравился, хоть не скажу, что он все хватает на лету.

– Что ж, хорошо, у меня сложилось такое же впечатление. – Она откинулась на спинку стула и вздохнула. – Тут вот какое дело, Скиннер. Кажется, Эйб не вернется до весны. Он беспокоится за Эдду, не хочет, чтобы она пока работала, поэтому решил свозить ее к сыну, затем к дочке, иначе она заскучает.

Слушая, Коллен отрезал кусочки стейка.

– По-моему, это правильно.

– Мы договаривались, что ты будешь иногда заменять его – сейчас, потом с января, но теперь все складывается иначе.

– Тебе все равно надо затыкать эту дыру.

– Да, надо. Папа и Чейз говорят, что, если ты согласишься перейти на зиму в гостиничный комплекс, их это устроит. Если хочешь, мы можем поговорить о жалованье, и тогда ты официально перейдешь из бухгалтерии ранчо на комплекс до возвращения Эйба. Если ты против, ведь ты приехал сюда работать с лошадьми на ранчо, тогда ничего не поделаешь. Однако я буду признательна, если ты нам поможешь, пока я не найду кого-нибудь.

Коллен подцепил вилкой картофельное пюре, запил пивом и что-то неразборчиво промывал. Бодин продолжила:

– Пока Эдда болеет, я составляю расписание занятий и решаю хозяйственные вопросы. Я могу найти ей временную замену из числа наших хозяйственников, но вот на место Эйба у меня никого нет ни в спорткомплексе, ни в манеже. Даже если бы Мэдди не ждала ребенка,

она все равно не менеджер. Во всяком случае, пока. И не думаю, что она захочет им стать. Так что придется кого-то искать на стороне. Я займусь этим, если ты отказываешься.

Он неторопливо ел и думал.

– Ты можешь рассказать мне обо всем подробнее? Жалованье, да, важно, но обязанности, степень ответственности, возможность что-то решать самостоятельно, если это официально. Временно, но официально.

– Конечно. – Ее немного успокоило, что он ставил вопросы, а не просто отвечал «да» или «нет». – Если ты дашь мне твой электронный адрес, я вышлю тебе всю информацию. В письменном виде.

– Я могу дать тебе адрес, – усмехнулся он, – но я готов съесть свою шляпу, если ты не держишь каждую деталь в голове. А шляпу свою я люблю и не хочу ее есть.

Бодин задумалась.

– Пиво там? – Она ткнула большим пальцем в сторону холодильника, потом махнула Колу, чтобы он не вставал.

Она достала бутылку «Мусхед», открыла крышку о прикрепленную к стене открывалку в виде головы быка. Сделала большой глоток.

– Хорошее пиво. – Она выпила еще. – Я люблю вино, но, черт побери, ничто не может сравниться с холодным пивом.

Сев, Бодин в деталях рассказала Коллену о работе, обязанностях, материальной ответственности, перспективах, о том, кто перед кем отчитывается, о политике комплекса и планах.

Перечень получился длинный. Она делала паузы, отпивая пиво.

– Ты точно не хочешь получить все это в письменном виде?

– Я уже все понял. Почти все вполне разумно.

Она решила все равно прислать ему письмо.

Когда Бодин назвала размер жалованья, Коллен какое-то время раздумывал, прежде чем кивнуть:

– По-моему, нормально.

– Хорошо. Тебе нужно еще время на размышление?

– Просто хочу прояснить все с Сэмом и Чейзом.

– Я сказала тебе, что они уже согласились.

– Да, сказала. Но не ты нанимала меня, а они. И я хочу лично услышать об их согласии. Поскольку я рассчитываю, что они дадут его, как ты и сказала, времени мне не нужно. Я приму твое предложение. Хотя это создаст мне кое-какие трудности на несколько месяцев.

– Трудности? Почему?

Выпив пива, он пристально посмотрел на нее поверх бутылки своими серыми глазами.

– Ну, понимаешь, мне довольно непросто пойти на эту работу, раз ты будешь моим боссом. Сестра и дочь моих боссов – тоже непросто, но терпимо. Но когда ты сама босс, к этому еще надо привыкнуть.

Она устремила на него взгляд поверх своей бутылки.

– Нам с тобой предстоит слишком много работы, тебе будет некогда подбивать ко мне клинья – или мне плясать вокруг тебя.

– Этому никакая работа не помеха. – Он смотрел на нее с веселым удивлением и даже уважением. – А ты хорошо танцуешь?

– У меня очень легкие и быстрые ноги, Скиннер. Но танцевать мне некогда, так что не усложняй ситуацию.

– Я не виноват, что ты выросла такой красоткой. Я предлагаю: давай назначим свидание. На первое мая, день подходящий. Весна уже придет, а ты больше не будешь моим боссом. И мы с тобой потанцуем, Бодин.

В пузатой старушке-печке потрескивали, догорая, дрова.

– Знаешь, Коллен, если бы ты так же игриво смотрел на меня и говорил такие речи, когда мне шел тринадцатый год, у меня бы выпрыгнуло сердце из груди. Я была по уши влюблена в тебя.

Он не сверкнул, как обычно, своей усмешкой. Его губы медленно растянулись в мягкой улыбке.

– Правда?

– Господи, да, правда. Ты, с твоей худобой, неуправляемым поведением и задумчивыми глазами, был объектом моей отчаянной любви и пробуждавшихся гормонов. Долго, много недель, а то и месяцев, хотя тогда они казались мне годами. – Она взмахнула рукой, сжимавшей бутылку. – А то, что вы с Чейзом считали меня в лучшем случае досадной липучкой и помехой, лишь усиливало мои душевные муки.

– Пожалуй, мы подло обращались с тобой.

– Нет, не могу считать это подлостью. Ты поразил мое юное сердце своим несмешливым высокомерием, с каким пятнадцатилетние мальчишки смотрят на двенадцатилетних девочек. И я, как многие двенадцатилетние девчонки, пережила свою первую влюбленность.

– Я не раз с интересом поглядывал в твою сторону, когда тебе было пятнадцать.

Удивившись, она медленно выпила несколько глотков пива и решила ответить вопросом, как и он:

– Правда?

– Ты расцветала не спеша, но все хорошела. Я замечал это. – Он встал, достал новую бутылку и показал Бодин еще одну. Она отрицательно покачала головой. – Тебя было трудно не заметить. Но тогда мне было почти восемнадцать. А в восемнадцать я уже думал о славе и богатстве. К тому же ты была младшей сестренкой моего лучшего друга.

– Это никогда не изменится.

– Но ты уже не маленькая. И три года разницы между нами больше не имеют значения, ты теперь взрослая. Плюс ко всему – я вернулся назад.

– Ты разбогател, Коллен?

– Я неплохо зарабатывал. Более того, делал то, что мне было нужно. Я узнал, чему мне следует учиться. Теперь я вернулся навсегда.

Ее брови взметнулись вверх, и он покачал головой:

– Я перестал злиться и поступил так, как нужно. Это моя земля. И дело не в том, кому она принадлежит. Я просыпаюсь утром и знаю, что я там, где хочу быть, у меня хорошая работа, а вокруг хорошие люди.

Его слова тронули ее.

– Ты растерял почти всю свою хмурую загадочность.

– И большую часть злости тоже, видя, как они шли рука об руку. Ну так давай вернемся к свиданию.

Коротко рассмеявшись, она поставила пиво и встала.

– Я пришлю тебе твое расписание на неделю. Оно еще изменится, поскольку некоторые гости записываются на занятия по верховой езде или на конную прогулку лишь после приезда, а катание на санях начнется у нас со следующей недели. – Бодин стала надевать куртку. – Если у тебя возникнут вопросы по работе, пиши мне. Или приходи в мой офис.

– Так, значит, насчет первого мая пока ни да, ни нет?

Она улыбнулась.

– Да. И спасибо за пиво, – добавила она, выходя.

Тихо рассмеявшись, Коллен похлопал ладонью по сердцу. По его мнению, главной привлекательной чертой дерзкой, упрямой женщины – особенно с рациональным, глубоким умом – была ее недоступность.

А он всегда принимал такой вызов.

Когда Билли Джин выпроводила последних посетителей и завершила привычные дела перед закрытием «Салуна», ее ноги едва ли не таяли, как нервный джек-рассел-терьер ее матери.

Ей хотелось поскорее вернуться домой и лечь в постель, хоть и пустую, потому что несколько дней назад она выставила за дверь своего бойфренда (лживого, никчемного ублюдка).

Еще ей не терпелось добавить вечерние чаевые в свой Фонд красного платья.

Она увидела его, когда что-то покупала онлайн, и сразу запала. Теперь каждый день она заглядывала в свою корзину и любовалась им, и вот, по ее расчетам, сегодняшние чаевые позволят нажать клавишу «Купить».

Сто сорок девять долларов и девяносто девять центов.

Дороговато для платья, думала она, выключая свет. Но только не для этого платья. К тому же оно было наградой за тяжелую работу и символом ее нового статуса одинокой женщины.

Она наденет это красное платье в следующий свободный вечер, может, даже пойдет в «Кораль» потанцевать и немного выпить. Тогда и посмотрим, кто чего стоит, решила она, с горечью вспомнив своего бывшего.

Она вышла на холод. Услышала в тишине хруст гравия под ногами. Сегодня она позволила последней группе клиентов задержаться чуть дольше положенного. Зато добавились те чаевые, те самые чаевые.

И она сможет поспать утром дольше, если захочет.

Ей нравилось работать в последнюю смену.

Билли Джин села в свою тачку – компактный, подержанный внедорожник, за который она платила уже целую вечность. Но он везет ее туда, куда она захочет, и обратно.

Из Бодин-Тауна, как называли комплекс местные, с его ресторанами, магазинами и офисами, она выехала по грунтовым дорогам, извивавшимся среди темных домиков и леса, на неровную, в рытвинах, дорогу и пожалела из-за изматывающей тряски, что перед выходом не заглянула в туалет.

Но раз она выехала на мощеную дорогу, то можно было прибавить скорость. Ее маленькое авто прыгало не хуже кролика, а в ночное время дорога такая же пустая, как летним утром.

Через пятнадцать минут, сказала она себе, будет дома.

Тут ее тачка дернулась, кашлянула пару раз и сдохла.

– Черт побери! Что такое?!

Зарывав от досады, Билли Джин повернула ключ зажигания, подкачала бензин. И, не видя никакого результата, ударила ногой по колесу.

Что же теперь делать, дьявол побери?

Она немного посидела, закрыв глаза и стараясь взять себя в руки. Вылезла из машины, подняла капот. Снова выругавшись, вернулась в кабину и схватила фонарик, лежавший в бардачке.

Она могла заменить шину – и не раз меняла. Она знала, как налить воду в радиатор, а бензин – в бак, проверить аккумуляторный кабель. И все. Больше она ничего не умела. С таким же успехом она могла смотреть на неисправный ракетный двигатель.

Оставив капот поднятым, она пнула ногой переднее колесо и достала телефон из сумочки, лежавшей на переднем сиденье.

Ее первой мыслью было позвонить Чеду – лживому обманщику, никчемному ублюдку. Потом вспомнила, что они разошлись. Думала связаться с одним из ее разведенных родителей, но они жили слишком далеко.

Она размышляла, что лучше: найти круглосуточный дорожный сервис или позвонить подруге Сол. Сол была ближе, но...

Тут она услышала гул мотора, увидела свет фар и подумала: слава богу!

Грузовик затормозил и остановился позади ее машины. Билли Джин подбежала к окошку водителя.

– Похоже, вам нужна помощь, – сказал он.

– Я буду очень признательна, – ответила она с самой обаятельной улыбкой.

1992 год

Наступил и прошел еще один День благодарения. Элис вела счет дням по квадратикам и числам в календаре. Ее тюремщик не забрал его – пока. Она отмечала дни и старалась, очень старалась представить себя дома за большим столом, в кругу своей семьи.

Мама жарит двух больших индеек – одну для работников ранчо. Если постараться, то можно ощутить запах, наполняющий кухню. Дедушка жарит говядину, а бабушка глазирует окорок. Ее любимый.

И все обрезки тоже. Картофельное пюре, сладкий картофель с маршмеллоу, зеленые бобы, брюссельская капуста – все это она не любит. Любит бисквиты и мясную подливку.

Она бы приготовила брусничный соус. Ей нравилось смотреть, как лопались ягоды при варке. Рин фаршировала бы яйца, для этого необходимо время и терпение.

А потом наступает момент, когда ты понимаешь, что в тебя уже не влезет ни кусочка! А сколько еще пирожков на столе!

Она представила себя маленькой девочкой. Вот она сидит рядом с сестрой за кухонным столом и лепит из остатков теста маленькие пирожки.

Мама что-то напевает и раскатывает новую порцию теста...

Но эти картинки быстро пропадали, как Элис ни старалась их удержать. Они бледнели и таяли, а она снова оказывалась на койке в ужасном подвале с железной цепью на ноге и пустыми руками.

Он забрал ее дочку.

Хоть у нее и пропало молоко – с болями, – в грудях оставалась фантомная боль, ужасное напоминание.

Она сбежала в сон – что ей еще оставалось? Во сне она пыталась вернуться домой. К индейке на День благодарения. Она скакала галопом на лошади, а небо взрывалось огненными красками заката.

Увидит ли она когда-нибудь солнце?

Накрасит губы помадой, купит новое платье? Будет лежать под летними звездами с парнем, полным страсти к ней?

Дотронется ли до нее кто-нибудь с лаской и заботой?

Она перенеслась мыслями в свою спальню. Розовые стены и постеры с актерами, а за окнами горы и небо.

Но вот она открыла глаза, и реальность придавила грудь свинцовой тяжестью. Четыре тусклых стены, цементный пол и запертая дверь над крутыми ступеньками.

Нет, она никогда не увидит солнца, его восходов и закатов. В ее мире нет окна, в которое оно светит.

Никто не дотронется до нее с лаской и любовью. Потому что для нее существует только Сэр. Только Сэр, который молотит ее каждую ночь. А когда она вскрикивает, потому что ее тело еще не оправилось после родов, он молотит еще сильнее и хлещет ее по лицу, заставляя замолчать.

Она больше никогда не увидит свою спальню, такую розовую и красивую, никогда не сядет за большой стол на ранчо, не отпразднует со своими родными День благодарения.

Она никогда не возьмет на руки дочку. Ее Кору с крошечными розовыми пальчиками.

Утрата всего этого, пустота внутри от утраты ребенка, которого она сначала не хотела, а потом полюбила так сильно и так быстро, глушили все мысли.

Элис ела, потому что, стоило ей отказаться, он вливал суп ей в глотку, схватив за волосы и зажав нос. Она мылась, потому что, когда она переставала, он обливал ее холодной водой и тер жесткой щеткой до крови.

Она умоляла его вернуть ей ребенка. Обещала быть послушной и делать все, что он захочет, если он вернет ей ребенка.

Теперь она еще чья-то проблема, не твоя.

Вот что он ей ответил. От дочерей нет никакой пользы.

Она надеялась, что Сэр забьет ее до смерти, но он, казалось, знал, когда надо остановиться.

Он не позволит ей умереть, как ей хотелось. Просто умереть, ускользнуть в сон, где можно сидеть на террасе в кресле-качалке, смотреть на горы и петь дочке колыбельную.

Будь у нее что-нибудь острое, она перерезала бы себе горло. Нет, нет, сначала ему, думала она – наяву, не во сне, – лежа на койке с закрытыми глазами, чтобы не видеть свою тюрьму.

Да, сначала она убьет его, потом себя.

Элис прикидывала, сможет ли заострить пластиковую ложку, которую он приносил ей с едой. Или зубную щетку. Пожалуй, да, зубную щетку.

Она попробует, она попробует, но боже, она так устала.

Она хочет спать, только спать.

В полузабытьи она представила, как она рвет простыню, делает петлю. Тут нет ничего, к чему ее привязать. Может, к ступеньке. Она обмотает себе шею и задушит себя.

Она больше так не может. Не может просыпаться день за днем, ночь за ночью в этом ужасном месте, зная, что он скоро спустится к ней по этим ступенькам.

Хуже, даже хуже, чем жестокость и насилие, были бесконечные часы одиночества. И одиночество стало еще глубже, шире и чернее без ее дочки.

Она заставила себя встать и посмотрела на простыню тусклыми, погасшими глазами.

Разорвать ее на полосы и сплести? Так веревка станет прочнее и выдержит?

Как трудно сосредоточиться, когда любая мысль пробивается сквозь туман. Она рассматривала простыню, отыскивая прохудившиеся места, которые легче порвать.

Мысль о самоубийстве казалась не более пугающей, чем решение задачи по математике.

Даже еще меньше.

Но ей надо подождать, напомнила она себе. Он скоро спустится к ней. Подождать, когда он уйдет. Ведь ей потребуется время, чтобы умереть.

Сегодня, подумала она с усталым вздохом. Она может умереть сегодня.

Сбежать.

Она снова выпрямилась, но тут стены качнулись.

Нет, поняла она, это она качнулась. А ее желудок вывернулся.

Она еле успела добежать до туалета, упала на колени и опустошила взбунтовавшийся желудок.

Липкая, противная, она перевела дыхание, и ее снова стошнило.

В слезах она свернулась калачиком на полу, дрожащая, задыхающаяся. Ее душили слезы горя и какой-то странной радости.

Она слышала, как звякнул запор. Слышала его шаги – тяжелые-тяжелые.

С трудом поднявшись с пола, вцепившись в раковину, она повернулась к нему.

Туман в голове рассеялся, и она с ужасающей отчетливостью снова почувствовала свою ненависть.

Положив руку на живот, все еще обвисший после родов, она внезапно осознала, что у нее появился смысл жить дальше.

– Я беременна, – сообщила она.

Он кивнул:

– Лучше, чтобы на этот раз ты родила сына. А теперь умойся и съешь завтрак.

Глава шестая

Наши дни

Хрустким, как яблоко, утром, когда восточный небосклон подсветили розовые и золотые лучи, Бодин повесила на плечо сумку и пошла к конюшне.

Она слышала, как кудахтали куры. Возле барака дворняжки Честер и Клайд устроили утреннюю возню. Они тут же помчались к ней, высунув языки, с веселыми глазами – словно месяц ее не видели.

Ничто не может так развеселить человека в начале дня, как пара безумно довольных собак, и Бодин с удовольствием чесала и гладила их, пока они не возобновили свой поединок.

Она помахала рукой одним работникам и поговорила с другими, которые убирали навоз в конюшне.

Увидев Коллена, Бодин остановилась. В куртке из овчины, удобных, разношенных сапогах и темном стетсоне он прилаживал седло на спину красавца Сандауна.

– Хочешь прокатиться? – спросила она.

Он оглянулся.

– Сандауну нужно размять ноги, и я могу сегодня поработать на нем на комплексе.

– Он настоящее сокровище. Если хочешь, мы и его можем взять на баланс.

– Нет необходимости. – Пока Коллен затягивал подпругу, Сандаун повернул голову и снял шляпу с его головы. – Что я говорил тебе?

Сандаун просто высунул голову за низкую дверцу и протянул Бодин шляпу.

– Ой, спасибо. Какая хорошая шляпа.

– Она перестанет быть хорошей, если он и дальше будет с ней играть. Тебе что-то нужно?

– У меня есть все, что мне нужно, а вот и моя лошадь, которой тоже требуется размяться. Я поеду на ней сегодня на работу.

– Утро подходящее. Я подожду тебя. Можем поехать вместе. Вы вернете мне мою шляпу, босс?

Отдав ему шляпу, она повернулась, чтобы пойти к Лео. И услышала позади голос раздосадованного Коллена:

– Ладно тебе, перестань.

Надев седло на Лео, она размышляла, может ли обучить его парочке трюков. Он любит морковку и мятные сладости, так что она попробует его подкупить.

Она услышала смех работников и поняла его причину, когда вывела Лео.

Сандаун сидел на бетонном полу в проходе, причем выглядел прямо как человек, усевшийся в кресле, а Коллен прислонился к двери денника и что-то изучал на дисплее телефона.

– Эта лошадь переплюнет всех! – крикнул один из работников. – Точно переплюнет, будь я трижды проклят.

Коллен поднял голову и улыбнулся Бодин:

– Готова?

– Да. А ты?

Коллен выпрямился и взял Сандауна под уздцы.

– Пошли. – Конь вскочил на ноги с такой же ленивой грацией, как и его хозяин.

После краткого знакомства, немного пофыркав, лошади, вероятно, решили, что могут общаться друг с другом.

На дворе Бодин вскочила в седло.

– У меня есть подходящий маршрут, чтобы Лео хорошенько пробежался.

– Отлично.

Сначала лошади шли шагом, чтобы разогрелись мышцы. Занимался день, и небо из розового стало голубым. Легкий ветерок, зимнее попури из запахов снега и хвои, шевелил морозный воздух, овеяв лицо Бодин.

– У тебя была возможность посмотреть на расписание? – спросила она у Коллена.

– Угу, я понял, что кузнец придет завтра, а ветеринар послезавтра. Я познакомлюсь с ними. Новичок выходит на работу сегодня утром, так что буду присматривать за ним и проверю, правильно ли мы сделали, взяв его.

– На следующей неделе День благодарения.

– Я в курсе.

– На длинные выходные приедут семьи и группы. Я подумала, мы могли бы попробовать то маленькое шоу, если ты не возражаешь. Просто небольшой бонус для приехавших к нам людей, без всякой предварительной рекламы.

– Что ж, посмотрим, как пойдет дело.

– Я включу это в расписание.

Они съехали со склона, миновали узкий овраг и снова поднялись в гору. Стадо оленей неслышно, словно лесные призраки, проскользнуло мимо них. Верхушки сосен шелестели на ветру.

– Пора им размять ноги. – Бодин пустила Лео быстрым галопом.

Холодный ветер хлестал ее щеки, лошадиные копыта стучали по дороге. Лео держал уши торчком, голову вскинул, показывая хозяйке, что наслаждается прогулкой не меньше чем она. Коллен скакал рядом, и его мерин выровнял свой бег с Лео, словно они были в одной упряжке.

На развилке дороги Бодин повернула направо и чуть сдержала Лео. Теперь он бежал легким галопом, а вскоре перешел на рысь. Наслаждаясь верховой прогулкой, воздухом, ясным утром, она откинула за плечо свою длинную косу и решила, что хочет покататься еще.

– Мы можем подняться вверх по тропе и проехать вон там. – Она показала рукой дорогу между деревьев, отмеченную фирменным трилистником «Бодин резорт». – Это совсем зимняя прогулка, мы покроем еще одну приличную дистанцию, а потом разъедемся.

– Показывай. Мы с Чейзом иногда ездили по этим тропам еще мальчишками, когда ваш отец отпускал его на пару часов. Помнится, тогда вы построили те домики, мимо которых мы только что проехали.

– Сейчас тут совсем тихо, и их даже трудно заметить.

Они поднялись в гору, где сугробы были выше, а на ветвях лежали снежные шапки. Возле тропы Бодин заметила следы оленя и лисицы и комочки помета.

– Тут иногда пахнет дымом, – добавила она, – из домиков, где отдыхающие топят печки. Но чаще всего воздух чистый.

– Почему ты предпочитаешь офис лошади?

– Я хорошо справляюсь с делами. – Она повернулась и посмотрела на Кола. – Я умею работать с лошадьми, но ведь таких умельцев полно. Мне нравится управлять всем процессом и добиваться, чтобы все шло гладко день ото дня. Или делать так, чтобы все выглядело благополучно, хотя там, где гости не видят, мы еле сводим концы с концами. Еще, пожалуй, мне нравится, что я никогда точно не знаю, с кем столкнусь предстоящим днем, но при этом я составляю план работы, жму на кнопки и потому в основном представляю то, что будет, и уверена, что справлюсь и с остальным.

Она снова повернулась к нему, когда тропа пошла под гору.

– Конечно, я скучаю по лошадям, по общению с ними. Теперь вот решила ездить верхом на работу чаще, чем раньше. – Она похлопала Лео по шее. – Гости удивятся, когда увидят – генеральный менеджер приехала на лошади. Это задаст тон.

– Всегда думаешь о них?

– О да, постоянно.

Они снова выехали на дорогу. Засмеявшись, Бодин обратилась к Коллену:

– Мой мозг всегда чем-то занят, Скиннер. Я люблю ездить верхом и на время выбрасывать все из головы. Ты готов еще раз прокатиться галопом?

– Милая моя, я всегда готов к галопу.

– Не сомневаюсь. – Она крикнула «Ча!», и Лео рванулся вперед. И снова Коллен повел своего коня в том же ритме и с такой же скоростью.

Бодин была рада, что выбрала длинную, кружную дорогу. И она не жалела, что потратила на прогулку больше времени.

Повинуясь порыву, она повернула в сторону от Бодин-Тауна.

Еще несколько минут прогулки, прежде чем она войдет в офис и приступит к делам. И когда она сказала себе, что пора остановиться и поехать назад, то вдруг заметила на обочине дороги автомобиль, мимо которого чуть не проехала мимо.

– Нам нужно... – начала она и тут же спохватилась: – Постой-ка. Похоже, это машина Билли Джин.

Она подъехала ближе.

– Да, ее.

– Кто такая Билли Джин?

– Она работает в «Салуне». Барменша, официантка. – Бодин спрыгнула на дорогу. – Она должна была работать в позднюю смену. Надо проверить. Похоже, у нее поломка. – Нахмурившись, она посмотрела через стекло и почувствовала укол тревоги. – Ее сумочка лежит на сиденье. Она никогда бы не оставила так сумочку.

– Подожди. – Коллен спешил, протянул Бодин поводья обеих лошадей и обошел вокруг машины.

Бодин вытащила из кармана свой телефон и стала искать в нем номер Билли Джин.

– Бо...

– Постой, постой. Я звоню ей. Может, она просто... – Бодин замолчала, услышав фрагмент хита Майкла Джексона. Визитную карточку Билли Джин. – Это ее звонок. Это ее звонок. Что...

– Телефон валяется на снегу вон там. И похоже, кто-то шел через сугроб к тем деревьям.

– Она не могла... – пробормотала Бодин, хотя видела так же ясно, как и Коллен, глубокие следы от ног на снегу и полосу от волочения чего-то большого. Потом она увидела больше.

Ее взгляд упал на темно-синее пятно – куртку, выделявшуюся на белом фоне, и она кинулась в снег и побежала туда, прежде чем Коллен успел ее остановить:

– Бо! Черт побери, постой!

– Она ранена. Она ранена.

Он схватил ее за локоть, потащил назад. Стоя по колено в снегу, они боролись. Наконец она выдернула руку и ударила его кулаком по лицу.

– Отпусти меня, чертов негодяй. Она ранена.

У него не оставалось выбора, и он обхватил ее обеими руками.

– Бо, она не ранена. Перестань. Немедленно прекрати. Ты ей уже не поможешь.

Бо захлестнули ярость и страх.

– Убери от меня руки. Клянусь, я убью тебя.

Он обхватил ее еще крепче.

– Ты не должна дотрагиваться до нее, слышишь? Ничего хорошего ты не сделаешь, а вред будет. Она умерла, Бо. Она умерла.

В отчаянии она сопротивлялась еще несколько секунд, била его, потом затихла. Она дрожала всем телом, пар от дыхания вырывался из ее рта, его уносил ветер.

– Я должна посмотреть. Я не стану прикасаться к ней, если... я должна посмотреть. Отпусти меня.

Он разжал руки и отодвинулся в сторону, больше не заслоняя от нее тело женщины.

– Мне жаль, Бо. Мне очень жаль.

– Она... – *Она умерла*. Слова Коллена эхом отдавались в сознании Бодина, их жуткая правда поразила ее сердце, всю ее. – Она ударила головой о тот камень. Она ударила головой. Как много крови. Она... Отпусти. Я в порядке. Отпусти.

Он разжал руки, и она, не отрывая глаз от лица Билли Джина, снова взяла ее телефон.

– Коллен, ты наберешь девять-один-один? – Может, ее голос и был хрипловат, но звучал он ровно. – Сделай это, а я вызову нашу охрану, чтобы... чтобы... перекрыть эту трассу. Перекрыть, чтобы никто тут не проезжал.

– Давай вернемся на дорогу и сделаем это там.

– Я не оставляю ее.

Ей надо было думать, предпринимать что-то. Слава богу, час для приезда и отъезда гостей был еще ранний, но многие сотрудники, жившие в окрестностях, пользовались этой дорогой.

Она приказала охране перекрыть трассу на полмили в обе стороны для всех, кроме полиции, и позвонила одному из сотрудников комплекса, попросив привезти ключи от ближайшего свободного домика.

– Я не буду объяснять им причину. – Стоя по колено в снегу, Бодина смотрела на телефон. – Пока рано. Позвоню родителям. Им нужно знать, но... Родители Билли Джина, они живут... возле Хелены. Нет, нет. – Она прижала ладонь ко лбу, чтобы сконцентрироваться. – Ее мать живет возле Хелены. Родители в разводе. Отец... Я не помню. У нее где-то есть брат. На флоте. Нет-нет, в морской пехоте.

Коллен ничего не сказал, и она рявкнула:

– Это важно!

– Понимаю. Мы не были с ней знакомы, Бодина, но это не значит, что я не понимаю, как это важно. Шериф уже выехал, и ты можешь сказать ему, как связаться с ее семьей.

– Я сама должна поговорить с ними. – Внутри у нее все горело, все пересохло, обуглилось. – Она работала у нас. Она была одной из нас. Я тоже должна с ними поговорить. Кто-то гнался за ней. Видишь?... – Она посмотрела на следы в снегу, где кто-то гнался за Билли Джина.

И где потом прошел Коллен, чтобы остановить ее саму.

– Я тут наследила, – пробормотала она. – Бросилась прямо к ней и могла бы схватить ее, приподнять, если бы ты меня не остановил. Это место преступления, вот что. Я знаю достаточно и понимаю, что нельзя было ходить возле места преступления.

– Ты увидела лежавшую на снегу женщину. Ты увидела кровь. Ты думала о ней, а не о чертовом месте преступления.

Думала о ней – о знакомой, сотруднице, женщине с заливистым смехом. Нет, совсем не думала, призналась себе Бодина.

Она больше не позволит себе такого.

– Я все испортила. Всегда можно что-то испортить, и я испортила. – Она тяжело вздохнула и только после этого взглянула на Коллена. Взглянув, увидела, что у него под правым глазом появился синяк. – Извини, что я тебя ударила. Мне стыдно, честное слово.

– Ты не первая. И не думаю, что ты окажешься последней.

Она все-таки дотронулась до синяка кончиками пальцев.

– Приложи лед к нему, когда мы... Домик. Надо взять ключи от домика, когда их принесут Майку, охраннику. Думаю, полицейским понадобится домик. Они будут записывать наши показания, может, поговорят с теми, кто видел барменшу, когда она закрывала «Салун».

Думай, думай, приказала она себе, хотя у нее все внутри дрожало. Составь план, выполни его.

– И... я не знаю, что еще. Кажется, я не могу привести в порядок свои мозги.

– С того места, где я стою, мне кажется, что они у тебя работают нормально.

– Может, ты пройдешь и посмотришь, передали ли ключи Майку.

– Ты не оставишь ее. Я не оставляю тебя, Бодин. Вернуться на дорогу, вон туда, не значит оставить несчастную женщину.

Бодин оглянулась. Они бросили лошадей, просто кинули их на дороге.

– Ты прав, надо присмотреть за лошадьми, – согласилась она. – И нужно отвести их в спорткомплекс. Когда мы закончим дела с полицией, ты можешь поехать на Сандауне и заодно отвести Лео.

– Я все сделаю.

Взявшись за поводья, Коллен оглянулся на звук приближавшегося автомобиля. Он отвел лошадей подальше, радуясь, что полиция прибыла быстрее, чем он рассчитывал.

Больше всего ему хотелось увести отсюда Бодин, чтобы она не стояла в снегу, глядя на тело мертвой сотрудницы.

Черный пикап с эмблемой шерифа округа на боку остановился в нескольких футах от машины Билли Джин.

Из него вылез мужчина. Широкоплечий, спортивного сложения, в кремовой шляпе на коротких волосах соломенного цвета; с квадратной челюстью и тонкими губами. Зеркальные очки скрывали глаза, но Коллен помнил, что они холодные, голубые, колючие. Мужчина повернул голову и десять секунд смотрел на Коллена, потом направился к Бодин.

Черт побери, подумал Коллен. Он привязал поводья к ветке и пошел вслед за прибывшим.

– Это Билли Джин Янгер, – сообщила Бодин. – Она наша барменша.

Гаррет Клинтон кивнул:

– Шериф выехал. Мне нужно, чтобы вы оба остались. Я слышал, что ты вернулся, Скиннер.

Что ж, хотя бы не шериф.

– А я не слышал, что ты помощник шерифа. Бодин велела доставить ключи от ближайшего домика. Я хочу отвести туда ее и лошадей.

– Вы останетесь здесь, пока я не разрешу уйти. – Он взглянул на джинсы и сапоги Коллена. – Ты пошел прямо туда и наследил на месте преступления.

– Это я сделала, – торопливо вмешалась Бодин. – Я увидела ее и не подумала ни о чем, просто бросилась к ней. Коллен остановил меня. Я виновата, Гаррет, это вышло спонтанно.

– Тебя можно понять. Ты дотрагивалась до нее?

– Коллен остановил меня, прежде чем я добежала. Я видела... Ясно было, что она мертва, но я просто не помнила себя.

– Ее телефон лежит на дороге, с той стороны от машины, – добавил Коллен. – Мы его не трогали, помощник шерифа.

– Мне действительно хочется зайти в помещение и сесть. Может, выпить воды. – Бодин сделала пару шагов – ровно столько, чтобы встать между двумя мужчинами в явно сгустившейся от напряжения атмосфере. – Меня немного трясет. Как ты думаешь, Коллен может спуститься вниз, где Майк по моему приказу блокирует дорогу, и взять ключи? Мы будем там, в большом верхнем домике. Нам не хотелось оставлять ее одну, но раз ты теперь здесь...

– Отправляйтесь. Но я не хочу, чтобы вы рассказывали кому-нибудь об этом, пока мы не возьмемся за дело.

– Спасибо. Спасибо тебе, Гаррет.

Они перешли через проезжую часть, взяли лошадей и повели их вверх по дороге.

– Ты играла на нем как на скрипке.

Бодин вздохнула:

– Я не люблю прикидываться слабой девушкой, но совсем забыла, какие вы оба упертые.

– Нет, тут другое. Я лишь отбивался.

Она уловила холодок в его голосе и вздохнула:

– Может, и так, но я не вижу смысла состязаться в дальности струи, когда в двадцати шагах от вас лежит Билли Джин. Раз уж я взяла на себя роль слабой девушки, ступай и отведи лошадей к Майку. Попроси его, чтобы он вызвал кого-нибудь за ними. А я подожду тебя на веранде в кресле-качалке.

За полчаса ожидания она разожгла огонь в очаге и сварила кофе. И прошла две мили, расхаживая вокруг домика.

Ее нервам не пошло на пользу, когда вместо шерифа в домик вошел Клинтон.

– Я понимаю, Бо, что тебе сейчас тяжело. Посиди немножко, ладно? Скоро я возьму у тебя показания. Сначала мы поговорим на веранде со Скиннером.

– Шериф тут. Я видела в окне его машину.

– Правильно. У всех свои задачи, как и у меня. Скиннер?

Он постучал пальцем по двери и вышел.

– Не провоцируй его, – предупредила Бодин.

– Даже мое дыхание будет его провоцировать, – ответил Коллен.

Он вышел, Клинтон кивнул ему, опираясь о столбик террасы.

– Давай выслушаем твою сторону.

– Интересная формулировка. Мы ехали на работу... – начал он.

– Вы с Бодин? Вы часто так делаете?

– Впервые. Ведь я недавно вернулся и официально приступил к работе на комплексе вчера вечером.

Сдвинув на нос очки, Клинтон направил поверх них жесткий взгляд.

– Я слышал, что ты работаешь на ранчо Бодин.

– Все меняется.

– Тебя уволили?

Бодин попросила не провоцировать его, а ведь так соблазнительно это сделать. Зная, как поддеть Клинтон, Коллен еле заметно улыбнулся:

– Логика говорит, что если бы меня уволили, то я бы не работал на комплексе. Мы ехали на работу, – повторил он еще раз.

– Чья это была идея?

– Совместная. Я намеревался поехать на лошади. Она намеревалась поехать на лошади. Оказалось, что мы намеревались сделать это одновременно.

– Похоже, вы совершили большой круг. Можно и быстрее доехать верхом от ранчо до комплекса.

– Мы хотели прогуляться.

– Кто выбрал маршрут?

– Бодин.

Губы Клинтон беззвучно дрогнули: «Лжец».

– Угу. Насколько хорошо ты знал Билли Джин Янгер?

– Я вообще ее не знал. Не был с ней знаком.

– Неужели? – Теперь Клинтон сунул большой палец за ремень. – Ты работаешь на комплексе, но никогда не видел ее.

– Правильно, если учесть, что я только на днях начал там работать.

– Где ты был этой ночью, Скиннер?

– Я живу на ранчо Бодин, там я и был.

– В бараке?

– Нет, в хижине.

Медленно кивнув, Клинтон шагнул ближе, вторгаясь в личное пространство Коллена.

– Значит, один.

– Почти все время. Мы с Бодин вчера вечером разговаривали и пили пиво. Она уговаривала меня заменить Эйба Коттера на несколько месяцев, пока он будет в отъезде.

Вместо того чтобы попятиться назад, Коллен нарочно подвинулся вперед.

– Ты серьезно пытаешься повесить на меня то, что случилось с той девчонкой, Клинтон? Неужели ты не изменился?

– Я знаю, кто ты такой и каким всегда был. Это Билли Джин подбила тебе глаз, когда ты на нее напал?

– Я никогда не был знаком с Билли Джин. А глаз мне подбила Бо.

– Интересно, с чего бы это.

– Спроси у нее сам.

– Спрошу, не сомневайся. – Скривив губы в злой усмешке, Клинтон постучал пальцем по груди Коллена. – Ты вернулся пару дней назад, и вот у нас уже убийство женщины. Ты вернулся пару дней назад и хочешь, чтобы я поверил, что ноги твоей еще не было в «Салуне» и что ты не завязал знакомство с симпатичной женщиной, работавшей в баре? Я могу отличить собачье дерьмо, когда его понюхаю, Скиннер.

– Похоже, ты так часто наступаешь в него, что только оно тебе везде и мерещится. Возле крыльца есть скребок, очисти подошвы и не оставляй за собой вонючих следов.

Лицо Клинтон покраснело, как вареная свекла, а такая перемена – Коллен знал это по опыту – предшествовала удару кулаком.

– Давай, продолжай, – холодно и спокойно сказал Коллен. – Мы уже знаем, что у тебя в программе.

Клинтон скрипнул зубами – Коллен мог поклясться, что он это услышал. Но помощник шерифа дал задний ход:

– Можешь пока идти работать. Только не строй планов насчет каких-нибудь поездок.

– Я пойду вместе с Бодин.

– Сказал же тебе – проваливай.

Коллен небрежно прошелся по веранде и сел в одно из кресел-качалок.

– Теперь скажи мне, какой закон я нарушил.

Правая рука Клинтон сжалась в кулак.

– Скоро я разберусь с тобой. Придет время.

И он вошел в домик, оставив Коллена на веранде.

– Кофе будешь? – сразу спросила Бодин.

– Не откажусь. – Клинтон, все еще с красными пятнами на щеках, сел за длинный кухонный стол. – Ты знала, что у Билли Джин вечерняя смена и что она уйдет поздно?

– Да, она работала вечером, но я не знаю точно, когда она ушла, но, скорее всего, после полуночи. Мы оставляем это на усмотрение сотрудников, если они готовы работать ночью. Может, в час ночи. Так что я могу лишь сказать, что она ушла из бара между половиной первого и половиной второго. – Она поставила перед ним кофе и села сама. – Гаррет, мне нужно сообщить об этом моим родителям и кому-то из сотрудников комплекса.

– Немного позже. Сейчас на дороге выставлены наши люди, и ты сможешь отпустить своих охранников, как только я получу твои показания.

– Ладно.

– Значит, ты сегодня ехала со Скиннером такой дорогой? Это он попросил тебя поехать кружным путем?

– Нет. Я хотела, чтобы моя лошадь хорошенько пробежалась. Я больше недели не ездила на ней. Вот почему я вышла сегодня из дома раньше обычного, а когда увидела, что Коллен тоже седлает своего коня, мы поехали вместе.

– Это была его идея?

– Господи, не знаю, Гаррет. – Она устало провела пальцами по волосам. – Это получилось само собой. Ведь мы уезжали одновременно и направлялись в одно и то же место.

– Ладно, но...

– Послушай. – Она отбросила маску слабой и незащищенной девушки. – Я знаю, что ты ужасно не любишь Коллена, но сейчас речь не об этом, черт побери. Мы вместе выехали, и я решила, как мы доедем до комплекса. Мне нужна была хорошая прогулка, мы уже неплохо развеялись, но мне захотелось проехаться еще немного, вот я и выбрала дорогу, где можно скакать галопом, и вдруг заметила машину Билли Джин. Сначала я не подумала ни о чем плохом, просто решила, что у нее заглох двигатель и она попросила кого-то подвезти ее домой. Но потом я увидела на сиденье ее сумочку и забеспокоилась. Позвонила ей. С моего телефона, на всякий случай. И...

Она не могла говорить дальше, встала и налила себе воды.

– Я услышала – мы услышали, – как зазвонил ее телефон. Я знаю ее рингтон. Телефон валялся на дороге, в снегу, и тогда я увидела... Я посмотрела туда, куда она могла деться, уйти с дороги – или убежать, – и заметила ее куртку. Увидела ее саму. Я уже сказала тебе, что у меня была спонтанная реакция, я кинулась... к ней, а Коллен схватил меня и велел остановиться. Сказал, что я уже ничем не смогу ей помочь.

– А почему он так решил?

– Господи, Гаррет, да это было видно! – Сквозь усталость и дурноту в ней прорывался гнев. – Я просто не хотела видеть, понимать это и вырывалась из его рук. Даже ударила его, но он держал меня, пока я не успокоилась. Я не знаю, почему ты позволяешь идиотской школьной вражде влиять на твои выводы, но заявляю тебе со всей уверенностью, черт побери, что Коллен Скиннер не имеет никакого отношения к убийству Билли Джин.

– Я выполняю свои обязанности. – Клинтон встал. – И раз ты не можешь мне сказать, что знаешь, где был Коллен Скиннер, когда это случилось с Билли Джин, я буду предполагать то, что должен предполагать. Ты будь с ним осторожнее. А сейчас можешь ехать на работу, раз ты туда собиралась. Шериф сам придет и поговорит с тобой, когда освободится.

Он вышел, а Бодин схватила со стола кофе и вылила его в раковину.

– Дерьмо собачье, скотина с яйцами, ему бы только длиной помериться.

Она резко повернулась, когда вошел Коллен.

– Не желаю ничего слышать.

– Ладно.

– Вы оба хотите сцепиться рогами и биться до последнего? Погибла женщина, черт побери. Моя сотрудница, я принимала ее на работу. Она мне нравилась. У нее есть семья и друзья...

– Конечно, конечно, – попытался успокоить ее Коллен, когда она, вся дрожа, закрыла лицо руками. Он подошел к ней и обнял. На этот раз она не сопротивлялась, лишь на миг застыла. Потом расслабилась и прислонилась к нему.

– Она была моей подругой. Подругой.

– Мне очень жаль. – Он поцеловал ее в висок и погладил по спине. – Мне хотелось бы сказать что-то еще, но нечего.

– Я должна что-то сделать. Я чувствую себя лучше, когда знаю, что делать.

– Надо немного подождать. Это тоже действие.

– Не люблю плакать. Плакать – не значит что-то делать.

– Нет, ты не права. Ты отпускаешь что-то, чтобы наполниться чем-то другим.

– Может быть, но...

Она повернула голову как раз в тот момент, что и он. Их губы встретились.

Врезались друг в друга, как думала она потом. В самом деле, просто врезались – неожиданное, случайное происшествие. Может, они застыли на несколько секунд, но это был совсем не поцелуй. Он даже близко не был похож на поцелуй.

Она отпрянула:

– Это... это так непорядочно.

– Случайно получилось.

Испытывая одновременно разочарование и смущение, она взмахнула руками, вытерла мокрые щеки и отступила.

– Ни ты, ни я этого не хотели. Просто так вышло. Ужасное утро, ужасное. Мне срочно нужно в Бодин-Таун. Моя мать наверняка уже там. Надо рассказать ей об этом. Нам надо... Господи, нам надо придумать, что мы скажем всем. – Она прижала к глазам подушечки пальцев. – А тебе пора в спорткомплекс. Там сейчас не хватает рабочих рук.

– Почему я не могу позвонить Чейзу и рассказать о случившемся? Тогда он и твой отец приедут сюда. Ты ведь собиралась рассказать об этом всей семье.

Тяжело вздохнув, она уронила руки.

– Ты прав, прав, и мне следовало подумать об этом. Пускай Майк нас отвезет. Клинтон сказал, полиция уже блокирует дорогу. – Она на мгновение закрыла глаза, потом снова распрямила плечи. – Ладно, я знаю, что мне делать. Поехали.

Глава седьмая

Семья собралась в Бодин-Хаусе, в уютной гостиной с дюжиной фотографий в рамках на каминной доске. Уговорив свою мать сесть, просто посидеть и подождать, Морин принесла всем кофе.

Если бы они были на ранчо, подумала Бодин, то семейная встреча проходила бы за большим обеденным столом. А мать все равно хлопотала бы так же, как теперь.

Хлопоты успокаивали ее, и Бодин это понимала: ей самой надо было что-то делать, что угодно.

Они выбрали это место, поскольку семье было необходимо собраться. Бодин рассчитала, что не сможет позволить себе отсутствовать в офисе дольше получаса.

Ей нужно было поделиться трагическим известием с близкими и что-то сделать с чувством потери и горем, которые уже охватили весь комплекс.

– Как мы можем помочь ее семье? – Мисс Фэнси сидела с прямой спиной в своем любимом кресле. – Я знала ее – работящую и веселую девочку. Но, Бодин, ты знала ее лучше нас. Что мы можем сделать для ее семьи?

– Пока не представляю, бабушка. Ее родители развелись, кажется, уже давно. Ее брат служил в морской пехоте, и я не знаю, где он сейчас. Я выясню. Мать живет в Хелене, насколько мне известно. А вот насчет отца ничего не могу сказать.

– Если ее близкие приедут сюда, мы должны разместить их где-нибудь в спокойном месте и позаботиться о них.

– Конечно, конечно, – согласилась Кора. – Бодин, ты должна выделить для них два домика поблизости, чтобы мы могли при необходимости общаться с ними. И дать им водителя.

– Насчет домиков я уже распорядилась. – Она успела продумать план действий и старалась организовать все, что было можно и нужно сделать. – Что касается водителя – они, вероятно, приедут на арендованных авто, но все равно кто-нибудь из нас должен им помогать, если им потребуется куда-нибудь съездить. По-моему, мы можем взять это на себя, а не привлекать наемных работников.

– Хорошая мысль, – поддержала ее Морин. – Еще нам надо поговорить с нашей большой семьей, с работниками комплекса. Билли Джин... – Слезы навернулись на глаза, и она на секунду замолчала, справляясь с комком, сдавившим горло. – Ее все любили. Она была такой приветливой девушкой. Нам нужно как можно скорее справиться с горем и потрясением, а еще и со страхом. Мы не знаем, что с ней случилось, но люди будут жить слухами, и к горю добавится опасение за собственную жизнь.

– Я считаю, нужно пригласить психолога, – сказал Рори.

Чейз вытаращил на него глаза:

– Не думаю, что многие захотят говорить об этом с посторонним.

– Ты не захочешь, – согласился Рори. – Кто-то еще тоже не захочет. А некоторые захотят, и таких будет больше, чем ты думаешь. Мы солидная компания, а компания всегда предоставляет психолога своим сотрудникам.

– Пожалуй, я, как и Чейз, не стал бы что-то обсуждать с психологом, – начал Сэм, – но вижу, что Рори прав. Надо найти психолога с хорошей репутацией и привезти к нам. А уж каждый сам решит, как ему поступить.

– Я подумаю над этим. – Бодин сделала себе заметку.

– Нет, Бодин. – Кора покачала головой. – У тебя и так хватает дел. Я сама найду подходящего психолога.

– Я не бесчувственный и не черствый. – Рори хмуро посмотрел в свой кофе. – Меня охватывают злость и печаль одновременно. Случившееся не укладывается у меня в голове, и

я не уверен, что когда-нибудь это изменится, если даже мы будем точно знать, что произошло. Но нам следует подумать о пресс-релизе, о том, что мы скажем репортерам, не говоря уж о том, что сообщим нашим гостям.

– Я думаю над этим, – заверила его Бодин. – Раз мы не знаем, что случилось, лучше сказать правду. Мы все потрясены и скорбим по поводу нашей общей утраты. И мы всячески помогаем полиции в расследовании. Больше нам и нечего добавить.

– Я поговорю с некоторыми сотрудниками. Бабушка права, – продолжил Рори. – У тебя и так много дел.

Он знает, о чем говорит, мысленно согласилась с братом Бодин. И он умеет слушать. Рори часто понимает, что человеку нужно, еще до того, как этот человек сам все осознает.

– Это будет правильно. В общем, мы с Джессикой составим официальное заявление и проследим, чтобы все – не только мы, но и все сотрудники – в этом ключе отвечали гостям и репортерам. Рори, ты тоже нам поможешь.

– Почему она? – удивился Чейз. – Почему Джессика? Ведь она менеджер, организующий мероприятия, не так ли?

– Потому что она умная и разбирается в психологии. Она не теряет хладнокровия и четко мыслит, но при этом умеет приспособиться к изменяющейся ситуации. – Бодин сидела на полу в позе портного и, подняв голову, смотрела на его недоверчивое и хмурое лицо. – Или ты можешь предложить мне другую кандидатуру?

– И все же я совсем не понимаю, почему ты хочешь привлечь к этому делу сотрудницу, которая почти не знала Билли Джин. Впрочем, тебе виднее. – Он пожал плечами.

– Правильно.

– Нам с отцом придется успокоить работников ранчо. Вообще, непонятно... – В Чейзе бурлил гнев, казалось, он готов вцепиться зубами во что угодно. – Черт побери, кому понадобилось ее убивать?!

– Мы не знаем, что произошло. – Бодин подняла руку. – Думаю, там все было не так просто. И, пока не узнаем, вы должны говорить всем на ранчо то же самое, что мы говорим на комплексе.

Чейз смотрел на нее, пока гнев в его глазах не остыл.

– Представляю, какой ужас тебя охватил, когда ты увидела ее. Я рад, что ты была не одна.

Перед глазами Бодин снова возникла картина – безжизненное тело Билли Джин на снегу. Но она лишь покачала головой и отвернулась. В дверь постучали, Бодин вскочила на ноги.

– Я посмотрю.

Она открыла дверь и увидела шерифа, старательно вытиравшего ноги о коврик.

– Бодин, дорогая, как дела?

Боб Тейт был коренастый, с грубым, обветренным лицом. Бодин знала его всю жизнь, он поддерживал дружеские отношения с ее родителями и любил дразнить их, что поцелует ее мать, прежде чем отец успеет опомниться.

– Ужасный день. Ужасный, жуткий день.

– Я знаю. – Он торопливо обнял ее, потом похлопал по спине. – Я заглянул к тебе в офис, а красивая нью-йоркская блондинка сообщила, что вся ваша семья здесь. Мне надо поговорить с тобой, милая.

– Конечно. Давай твою куртку.

– Не беспокойся. – Он вошел в гостиную. – Мисс Фэнси, миссис Бодин. – Он снял шляпу. – Извините, что я пришел к вам домой без приглашения.

– Ты всегда желанный гость, Боб. – Кора встала. – Я принесу тебе кофе.

– Я буду весьма признателен. Морин, Сэм, ребята.

– Рори, принеси шерифу кресло. – Мисс Фэнси указала жестом на спальню дочери. – Как поживает Лолли?

– Она держит меня на диете. – Он улыбнулся, его глаза сверкнули. – Могу помереть с голоду в собственном доме. Спасибо, Рори.

Он уселся в кресле и шумно выдохнул.

– Что ты можешь нам сказать? – поинтересовался Сэм.

– Пока немного. Мы делаем все, что положено, и я не имею права говорить об этом. Мне надо задать Бодин несколько вопросов.

Кора вышла из кухни с чашкой в руке.

– Нам надо выйти?

– Нет, мэм, не обязательно. Поскольку вы все знали Билли Джин, то сможете что-то добавить к картинке. Но именно Бодин нашла ее. Вместе с Колом Скиннером.

– Да, сэр. Мы вместе ехали на работу. Верхом, – уточнила она. Хотя он, конечно, уже знал это.

– Вы сделали большой круг. Кол предложил это?

– Нет, я. Это была моя инициатива.

Он приподнял брови, но кивнул.

Бодин стала подробно рассказывать об утренних событиях, как до этого – Гаррету Клинтону. Тейт остановил ее, когда она дошла до телефона Билли Джин.

Кивнув, шериф что-то искал в своем блокноте.

– Кол предложил тебе позвонить ей?

– Нет, когда увидела в машине ее сумочку, я забеспокоилась и позвонила ей на мобильный. У нее нет стационарного. И услышала ее рингтон. Тогда Кол сказал, чтобы я обошла вокруг машины и посмотрела. Мы увидели возле машины ее телефон и следы в сугробе. Потом я заметила ее и бросилась туда, где она лежала на снегу. Я думала, что она ранена, уговаривала себя, что это именно так, но правда состояла в том, что в глубине души я понимала – было совершенно ясно, – что уже поздно. Коллен остановил меня, удерживая всеми силами.

Глядя на Бодин, Тейт постучал огрызком карандаша по блокноту.

– Он подходил к ней?

– Нет. Он держал меня, чтобы я успокоилась и все поняла, но я никак не хотела понимать, что нам нельзя до нее дотрагиваться и вообще нельзя ничего трогать.

– Мне сказали, у Кола подбит глаз. Он был таким этим утром, когда вы отправились на работу?

– Нет, это я его ударила. Меня охватило безумие, я дралась, вырывалась и стукнула его кулаком в лицо. Потом я опомнилась и все поняла. – Теперь она говорила спокойно: – И я хочу добавить еще кое-что.

– Давай.

– Я рассказала Гаррету о случившемся так же ясно и четко, как только что тебе. Если он сказал что-то другое, то он соврал.

Тейт помахал ладонью в воздухе, словно приминая невидимый ворох страстей.

– Бо, я подозреваю, что у Кола с Гарретом какие-то давние счеты.

– Клинтон испортил их отношения давным-давно. – Чейз медленно и плавно поднялся на ноги. – Еще когда мы были детьми, Клинтон преследовал Кола, травил. Он никак не унимался, черт побери. Прости, ба, но иначе не скажешь. Он их испортил, когда с тремя своими засранцами дружилками...

Тут он снова замолчал, а Мисс Фэнси взмахнула рукой:

– Ладно, потом извинишься за свой язык.

– Они напали на нас, когда мы с Колом ночевали возле реки. Трое держали меня, чтобы Гаррет мог избить Кола. Но вышло так, что Кол сбил его с ног и стал выколачивать из него дерьмо, и тогда Уэйн Риккер – помнишь его?..

– Еще бы, – подтвердил Тейт, – имел с ним дело, когда был помощником шерифа, не раз сажал его за решетку, а когда стал шерифом, посадил на пять лет за физическое насилие при отягчающих обстоятельствах.

– Так вот, он бросился к Гаррету на помощь, и их стало двое против одного. Но меня уже держали двое, не трое, и я вырвался. Мы их отлупили. После этого Клинтон только грязно ругался – больше не лез, ведь Кол так ударил его пару раз в живот, что он блеванул, как больная собака. Вот я и говорю: раз у него появился случай покататься с Колом, он обязательно им воспользуется – пробудит у тебя подозрение, что именно Кол убил девушку.

Сказав свое слово, Чейз сел.

Тейт помолчал, глядя на свой маленький блокнот.

– Спасибо за информацию. Ладно. Бо, – снова повернулся к ней Тейт, – что случилось дальше?

– Кол позвонил вам, а я – нашим охранникам, потому что уже пришла в себя. Попросила их перекрыть дорогу и никого не пропускать. Клинтон приехал туда первым, и было ясно, что он хочет все повесить на Коллена, так что... – Она вздохнула. – Я сказала, что мне нужно посидеть и выпить воды. Позвонила в офис и велела прислать ключи от ближайшего домика. Мне не хотелось, чтобы эти двое рычали друг на друга, когда рядом лежала мертвая Билли Джин.

– Умница, умница. Мне надо уточнить еще кое-какие детали и поговорить с непосредственным начальником Билли Джин и теми, кто работал вместе с ней в тот вечер.

– Это Дрю Мэтерс. Я уже опросила всех. Так что могу сказать тебе, что Билли Джин отправила всех домой примерно в половине первого. В баре оставались три пары – четверо из них были друзьями, а третья пара к ним присоединилась. Я не могу сказать точно, во сколько Билли Джин закрыла бар и уехала, но могу тебе дать имена людей, которые оставались в баре.

– Это будет замечательно. У нее ведь был бойфренд, не так ли?

– Они прекратили отношения. Пару недель назад. Чед Эммон. Он один из наших водителей, работает на посылках. Сегодня его нет.

– Парень Стью Эммона?

– Ага.

– И ты знаешь, кто был инициатором разрыва?

– Она. Он изменял ей с девчонкой из Миссулы, а до этого с другой, из Милтауна, и она показала ему на дверь. Я хочу сказать – знаю, тебе надо поговорить и с ним, – что Чед абсолютно ненадежный, когда речь идет о женщинах, но подлости в нем нет. И он так огорчился, получив под зад коленом, что даже перестал бриться. Вот такие дела.

– Она встречалась с кем-нибудь еще?

– Она... Как же она выжила?.. Она решила дать передышку... – Бодин оглянулась на бабушек. – Передышку одной части своего тела. Я видела с ней почти каждый день, и она сказала бы мне, если бы передумала.

– Тогда ладно. Спасибо, что рассказала мне все это, Бо. – Тейт встал, сунув в карман блокнот. – Кофе был хорош, миссис Бодин. Я покидаю вас.

– Ты идешь сейчас на комплекс? – спросила Бодин.

– Да.

– Я пойду с тобой, вызову людей, с которыми тебе нужно поговорить. И выделю для этого комнату.

– Вот и хорошо.

Он подождал, пока Бодин оденется. Она оглянулась на своих и, подумав, что обсуждать пока больше нечего, вышла на улицу следом за Тейтом.

– Я понимаю, ты не можешь сказать то, что не можешь сказать, – начала она, – но ясно: кто-то за ней следовал. Не знаю, почему она там остановилась и как все произошло, но ясно, что она испугалась и побежала. А это значит, она бежала от чего-то. Или от кого-то.

– Надо кое-что еще сделать, прежде чем я смогу сказать, так это или нет. Официально.

– Я хочу спросить, надо ли мне усилить охрану.

– Не думаю, что это необходимо. Но когда происходит что-то подобное, люди начинают всего бояться, пока не становится известен ответ. А вообще, делай так, как считаешь нужным.

Преступление произошло на ее земле, погибла женщина, хорошая знакомая, почти подруга. Ах, если бы знать, как нужно поступить!

Загоняя смирную кобылу в прицеп, Коллен заметил машину шерифа, направлявшуюся к спорткомплексу.

Он ждал этого.

Коллен закрыл за лошадьми дверцу и подошел к навесу, где Изи Лафой чистил еще одну лошадь.

– Потом поработаешь, – говорил Изи мерину. – А пока можешь полениться.

– Изи, мне надо, чтобы ты отвез тех лошадей в манеж. Через час у нас там урок. Мэдди придет прямо туда.

– Я еще тут не закончил дела, босс.

– Ладно, я сам закончу. А ты отвези эту парочку и оседлай. Передай Мэдди, чтобы она не нарушала правила. Можешь поесть, пока будут идти занятия.

– Хорошо, босс. – Когда подъехал Тейт, Изи с Колленом вышли из-под навеса. – Думаю, он тут по поводу той девушки. Ужасное происшествие.

– Да. Ну иди. – И Коллен двинулся навстречу Тейту.

– Кол. – Тейт кивнул. – Как поживает твоя мама?

– Ничего, неплохо. Радуетя внуку. Есть кого баловать.

– Скоро и у меня появится.

– Я не знал.

– Да, в мае, первый. Моя супруга уже как сумасшедшая покупает всякую всячину и медвежат. – Тейт помолчал, глядя, как Изи маневрирует на грузовике с прицепом. – Новый помощник?

– Да, но ведь и я тоже.

– Твое возвращение омрачила эта беда. Можешь поговорить со мной?

– А мы можем поговорить, пока я буду работать? Сегодня днем у нас конная прогулка на шесть человек.

– Не вопрос, конечно. – Шериф прошел с Колом к лошадям, и тот продолжил работу Изи.

Орудя щеткой, Коллен подробно рассказал все, от встречи с Бодин в конюшне до того момента, когда они обнаружили труп.

– Вы ехали по тропе Белый Хвост?

– Угу. Такое было утро, что мы ехали словно в кино. Красота необыкновенная.

– Уж кому, как не тебе, знать про кино.

– Пожалуй.

– После возвращения ты заглядывал в «Салун» выпить?

– Нет. Все некогда, да и на ранчо у меня было пиво. Так что я никогда не видел ту женщину. – И ему никогда не удастся ее забыть, мысленно добавил он. – Я не могу доказать, что не ездил никуда среди ночи по той дороге и не напал на женщину, которую никогда не видел. Но для меня это точно была бы смена модели поведения.

Несмотря на ситуацию, Тейт слегка раздвинул губы в улыбке.

– Насколько помню, тебе приходилось участвовать в драках.

– С парнями, с мужиками, – легко согласился Коллен, хотя уловил в этом вопросе влияние Клинтoka. – Разве я дрался с девушками, с женщинами? С ними все по-другому и всегда по обоюдному согласию.

– Ничего другого я и не слышал. – Тейт указал на глаз Коллена. – Похоже, ты недавно подрался. И получил в глаз.

– Если бы так. Бодин... Просто она хотела подбежать к своей подруге и ничего не желала понимать, а я не мог пустить ее туда. Так что, да, можно сказать, мы подрались, и она мне врезала. У нее замечательный правый хук.

– Ты все так и рассказал моему помощнику?

– Да.

Тейт помолчал:

– Не хочешь ничего добавить к этому?

– Так ведь нечего.

– Я расскажу тебе историю. – Тейт вытащил из кармана пачку жевательной резинки. – Супруга грызла меня, пока я не бросил курить. – Он протянул пачку, и Коллен взял одну пластинку. – Вот что когда-то было. Однажды вечером мы играли в покер у Клинтoka. Жена его уехала к сестре вместе с маленькой дочкой, и дома остались только Бад Клинтон и мальчишка Гаррет. В то время ему было лет двенадцать. Твой отец тоже был там.

Коллен кивнул, прищурив серые глаза.

– Он всегда был там, где играли в покер.

А еще на конских бегах или на всех спортивных состязаниях, где можно сделать ставку.

– Это факт, хотя порой он месяцами держал в узде этого дьявола. Но не в тот раз. Не стану говорить плохо про умерших. Скажем так, у Джека Скиннера была такая слабость. Но подлости в нем не было. В тот вечер ему везло. Карта шла на удивление. Мы много пили, много сквернословили, спорили и курили – эх, как мне сейчас этого не хватает! – Тейт вздохнул, жуя жвачку. – За последний пот бились только твой отец и отец Гаррета. Бад проигрывал в тот вечер почти столько же, сколько твой отец выигрывал. Пот был серьезный, и Бад повысил ставку. Джек в ответ тоже повысил. Там набралось около пятисот долларов, когда у Бада кончились деньги. Он объявил, что поставит еще что-нибудь. Твой отец в шутку предложил поставить щенка. Щенку было месяца четыре. Он перешел к Джеку. Джек сказал, что это его талисман на удачу. И Бад ответил, что ладно, он согласен. И вот они выложили карты. У Бада был флеш червей, от восьмерки до дамы. А у Джека? Четыре двойки, и это было все. Джек взял пот, но от щенка отказался. Тот щенок принадлежал мальчишке Гаррету, а Джек не был подлым. Он сказал, пускай Бад заплатит за его обед со стейком, и они квиты. Все пошли домой, немного пьяные и с легкими карманами, кроме Джека и меня, потому что у меня вышло по нулям, и это было тоже неплохо.

Тейт, помолчав, посмотрел на горы, потом – прямо Коллену в глаза.

– Я слышал, что кто-то прямо на следующий день застрелил щенка. Я знаю, Бад бывал жестким, но он никогда бы не пустил пулю в щенка.

Коллен видел подлость в Клинтоне уже тогда, когда им было двенадцать.

– Почему ты взял его в помощники, шериф?

– Он служил стране и вернулся домой. Я присмотрелся к нему и решил, что он вырос из той детской подлости. Не скажу, что Гаррет иногда не сбивается с пути, но и не скажу, что у меня были причины жаловаться на него. Но я с ним поговорю, поскольку погибла женщина и никто из моих помощников не должен использовать это несчастье для сведения старых счетов.

– У меня нет к нему неприязни. Если он будет держаться от меня подальше, то и я не подойду к нему.

– Вот и договорились. Передай от меня сердечный привет матери, когда будешь с ней говорить.

– Передам.

Оставшись один, Коллен думал о злых мальчишках – он тоже был таким – и об отце, который не был подлым, но был слабым и потерял все. Включая и уважение сына.

Бодин тяжело поднялась по ступенькам в свой офис и принялась за дела, не терпевшие отлагательства, но останавливалась всякий раз, когда к ней с вопросами или за утешением приходили сотрудники комплекса.

Она заставляла себя работать, несмотря на тугой узел под ложечкой и закипавшую головную боль.

Джессика остановилась в дверях и постучала по косяку костяшками пальцев.

– Извини, что помешала.

– Нет, ничего страшного. Я все равно собиралась зайти к тебе. Так что ты избавила меня от лишних усилий.

– Ты ела что-нибудь?

– Что? – Бодин рассеянно посмотрела на нее и потерла усталую шею.

– Я так и думала. – Сменив тактику, Джессика просто взяла телефон со стола Бодин и набрала добавочный номер кухни.

– Привет, Кэтлин, это Джессика. Пришли, пожалуйста, в офис Бодин порцию супчика дня и чаю с ромашкой. Да, хорошо. Спасибо.

– А если я не хочу суп? – спросила Бодин, когда Джессика положила трубку.

– Ты его съешь, ведь ты умная и понимаешь, что тебе надо его съесть. Ты такая же, как Рори и твоя мать.

Бодин через силу улыбнулась:

– Заботишься о нас?

– Должен же кто-то это делать. Ты уже никакая, а я знаю, что люди все идут и идут к тебе за поддержкой, как и к Рори, и к Морин. Но к тебе больше всего.

– Я большой босс.

– Правильно. Им нужно, чтобы ты их утетила, а тебе нужен суп. Теперь скажи, чем тебе помочь.

– Я тут работаю кое над чем, и... Что там насчет конференции компании «Родер», назначенной на эти дни? И насчет сегодняшнего собеседования?

– Я перенесла их на другие дни. Это не проблема. У нас смерть в семье.

Тут на глазах Бодин вспыхнули слезы. Она вытерла их кончиками пальцев. Джессика повернулась и закрыла дверь.

– Мне так жаль, Бодин. Я не очень хорошо знала Билли Джин, но она мне нравилась. Давай я что-нибудь сделаю вместо тебя. Сол обычно берет на себя твои дела, когда нужно, но... сейчас она просто никакая.

– Они давно дружили, с детства. Ты можешь мне помочь вот в чем. Хотя я знаю, что у тебя и своих дел полно.

– Челси мне хорошая помощница, мы с тобой не ошиблись. Теперь у меня освободилось немного времени.

– Я могу его заполнить. Во-первых, я написала заявление для прессы. Я уже два раза говорила с репортерами, которые звонили мне по поводу случившегося. Мне нужно, чтобы в пресс-релизе все было правильно.

– Я охотно просмотрю его.

– Нам нужно обратиться к гостям. К тем, кто уже тут, и к тем, кто забронировал места и, возможно, захочет узнать о сложившейся ситуации подробнее. Вот мои наброски. Ты мало знала Билли Джин, – добавила Бодин, – поэтому будешь более объективной. Я не уверена, что

написала достаточно кратко, избегая лишних деталей, ведь она была моя подруга, и мне трудно писать о случившемся.

– Ладно.

– Наконец, нам нужно устроить поминальную церемонию. Тут, у нас. Я уже говорила с матерью Билли Джин. – Бодин, помолчав, вздохнула. – Мы предложили им домики, водителей – в общем, все, что необходимо. Но они собираются остановиться в Миссуле, а ее увезут в Хелену, домой, когда смогут. Поминальная церемония пройдет для нас, для всех нас, работников комплекса и ранчо, и для тех местных жителей, которые знали ее и захотят отдать последний долг уважения.

– Позволь мне взять это на себя. Я не преувеличиваю, если скажу, что поминальная церемония – это мероприятие, а значит, моя сфера деятельности. Ты мне просто скажи, когда хочешь все провести и где, а остальное я сделаю.

Бодин с облегчением почувствовала, что этот груз снят с ее плеч.

– Считаю, церемония должна пройти в помещении, чтобы мы не зависели от погоды. «Мельница» – самое подходящее место.

– Я согласна. – Джессика встала, услышав стук, и открыла дверь. – Спасибо, Кэтлин, просто отлично.

Она принесла поднос и поставила его на стол.

– Ешь.

– У меня желудок завязан узлом.

– Все равно ешь.

Слабо рассмеявшись, Бодин взяла ложку.

– Ты говоришь, как моя прабабушка.

– Высший комплимент для меня. Обрисуй мне в общих чертах, как ты видишь церемонию, а я проработаю детали.

Цветы, потому что Билли Джин их любила, и музыку в стиле кантри, и вестерн. Набросав это, Бодин принялась за суп. Он оказался лучшим выбором, поскольку его не приходилось жевать и он не отвлекал от дел.

– Мне кажется, надо, чтобы «Мельница» была открыта часа четыре или даже пять и чтобы там присутствовал кто-то из родственников. Мы продумаем все потом, – сказала Бодин. – Пусть у всех наших сотрудников будет возможность зайти, побыть там какое-то время. Но ведь к нам каждый день приезжают люди, забронировавшие места. Я даже думаю, не закрыться ли нам на день.

Джессика делала заметки, не поднимая головы.

– Подумай о том, что ты нарушишь планы клиентов, которые не только забронировали домик, но и, возможно, купили авиабилеты, взяли отпуск на работе.

– Это будет неправильно. Но ведь у всех должна быть возможность прийти и попрощаться с Билли Джин... Легче было бы сделать это на ранчо, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.